

ЗНАК ПРЕДСКАЗАТЕЛЯ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

Девушка, Джокер, Поэт и Воин

Татьяна Полякова

Знак предсказателя

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Знак предсказателя / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2017 — (Девушка, Джокер, Поэт и Воин)

ISBN 978-5-699-95429-2

Трое мужчин со странными прозвищами – Джокер, Воин и Поэт – появились в моей жизни недавно, мгновенно перевернув все с ног на голову. Наша сплоченная команда занимается расследованием преступлений. Вот и сейчас к нам обратился новый клиент, богатый бизнесмен Павел Ключников, проживающий в поселке Черкасово, где творятся зловещие дела. Началось все с пропажи домашних животных – кошек, собак... Потом утонула подруга дочери Ключникова. Он подозревает убийство и опасается за жизнь своей дочки. А со мной происходит что-то необычное: с некоторых пор я замечаю различные знаки, меня мучают кошмары по ночам и появилось ощущение, будто с нами кто-то играет. Кто-то все время стоит за спиной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95429-2

© Полякова Т. В., 2017
© Эксмо, 2017

Татьяна Викторовна Полякова

Знак предсказателя

© Полякова Т.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Машина неслась с огромной скоростью, ее швыряло из стороны в сторону, и я боялась, что не справлюсь с управлением. Трех мужчин, которые были со мной в машине, это, казалось, ничуть не волновало. Сидящий рядом Поэт, по обыкновению, уткнулся в ноутбук. Оставалось лишь гадать: как он умудряется что-то там видеть да еще печатать быстро-быстро пальцами обеих рук. Воин и Джокер на заднем сиденье равнодушно пялились каждый в свое окно. Похоже, то, что мы в любой момент можем очутиться в кювете насмерть переломанными, беспокоить должно только меня. Это здорово бесило, хотелось заорать во все горло, но вместо этого я покрепче вцепилась в руль, выводя машину из очередного заноса. А куда я, собственно, так несусь? Оказалось, найти ответ на этот вопрос непросто. Может, его знают мои спутники? Трое мужчин в одинаковых темных костюмах, белых рубашках с черными галстуками и в солнцезащитных очках, тоже одинаковых, показались вдруг чужими. Незнакомцами. Все на одно лицо. Как я попала в эту компанию? И что за блажь им пришла так одеться? Максимильтян – понятно. Он обожает костюмы. Вадим предпочитает джинсы, но и в костюме чувствует себя неплохо. Но Димка... Да еще эти чертовы очки... из-за них я не вижу его глаз. Мне от этого так не по себе?

В очередной раз взглянув в зеркало, я пораженно замерла. Димка теперь сидел сзади, между Джокером и Воином, сложив на груди руки и насмешливо ухмыляясь.

«Как это возможно?» – успела подумать я, косясь на пассажирское сиденье справа, которое вовсе не было пустым.

В машине появился еще один тип. Он чуть приподнял очки, а я отчаянно закричала, потому что узнала его...

Должно быть, я и проснулась от собственного крика. И теперь сидела в постели, тяжело дыша и испуганно оглядываясь, спеша понять, где я. В своей квартире, в собственной постели.

– Сон, – пробормотала я, повалившись на подушки. – Это всего лишь сон.

Нормальный такой кошмар, лечу на машине и вот-вот разобьюсь... Ничто не мешает закрыть глаза и уснуть вновь. Вместо этого я сунула ноги в тапочки и включила ночник. Сердце продолжало бить в барабан, а недавний страх не отступал. Прятался в темных углах, избегая светлого пятна ночной лампы.

– Кто ж ты такой? – пробормотала я и потерла лицо руками, точно надеялась: это поможет вспомнить.

Ерунда, я понятия не имела, кто этот тип, внезапно материализовавшийся на месте Димки, хотя во сне я его узнала. Узнала, и это узнавание привело меня в ужас.

– Это просто кошмар, – вновь заговорила я вслух. – Идиотизм искать в подобных снах логику.

Я попыталась вспомнить, как выглядел этот тип. Заведомая глупость, но я старалась. Очки, которые он поправлял левой рукой, вот и все, что осталось в памяти. И все же меня не покидало чувство: я хорошо его знаю. Ну и кем он может быть? Кем угодно и никем.

– Давай-ка спать, – пробормотала я, и тут вдруг ожил мобильный.

Я вздрогнула от неожиданности, машинально взглянула на часы. Пятнадцать минут второго. Схватила мобильный, на дисплее высветилось «Воин», и я торопливо ответила.

– Привет, красавица, – со смешком произнес он. Его тон сбивал с толку: в нем не чувствовалось напряжения, а просто так в подобное время не звонят.

– Что случилось?

– Ничего, – после мгновенной паузы ответил он.

– Ты набрался, что ли? – с облегчением вздохнув, поинтересовалась я. – Знаешь, который час?

– Догадываюсь. Ехал мимо, увидел свет в твоём окне, решил позвонить.

– Куда ты мимо ехал?

– Ладно. Торчал в твоём дворе. Так лучше?

Лучше точно не стало.

– Я зайду, хорошо? – добавил Вадим и отключился.

А я ещё некоторое время таращи́лась на телефон. Потом вскочила, стянула пижаму, надела футболку и джинсы, а затем поспешила в прихожую. Включила свет, косясь на своё отражение в зеркале. Волосы в беспорядке, физиономия помятая. Хорошо героиням фильмов, они и среди ночи умудряются выглядеть красотками...

В дверь разок стукнули, и я поспешила её открыть. К тому моменту я успела убедить себя: Вадим, маясь от безделья, ударился в запой, перепутал день с ночью и решил скрасить мои будни в непоколебимой уверенности, что я тоже тоску гоняю. Кстати, он недалек от истины.

Однако мои фантазии фантазиями и оказались. Вадим шагнул в прихожую, и стало ясно: он, что называется, трезв как стеклышко, мало того, никаких признаков недавнего возлияния я усмотреть не смогла. Хотя старалась.

– Димка здесь? – спросил Воин, сбрасывая ботинки.

– Нет.

– Это хорошо. Я с опозданием подумал, может, вы сливаетесь в объятиях, оттого и свет горит...

– Хорошо, что подумал, хоть и с опозданием. Проходи в кухню, я пока умоюсь.

Вадим гремел посудой, а я чистила зубы и разглядывала себя в зеркало, пытаюсь решить, чего следует ждать от жизни. Недавний кошмар давил на плечи, точно неподъёмный груз.

Я умылась и поспешила покинуть ванную. Вадим стоял возле окна, сунув руки в карманы брюк. Только сейчас я обратила внимание: он в тёмном костюме, совсем как в моём сне, из-под рукавов пиджака выбивались манжеты белой рубашки. Вадим повернулся, а я отметила: галстук отсутствует, и вздохнула с облегчением. Ну, не глупость ли?

– Похоже, я тебя все-таки разбудил, – сказал Вадим, приглядываясь ко мне.

– Паршиво выгляжу?

– Ты так прекрасна, что впору надевать очки от солнца, чтобы не ослепнуть.

Упоминание об очках вызвало неприятный холодок вдоль спины, что уж вовсе никуда не годится.

– Не силен ты в комплиментах, – хмыкнула я, устраиваясь за столом, который он успел сервировать к чаю: чашки, варенье в вазочке, заварочный чайник прикрыт полотенцем.

– Да? Девушкам обычно нравится, – равнодушно отозвался он, устраиваясь напротив.

С девушками у него проблем не было, вряд ли ко мне его занесло среди ночи желание рассказывать об одной из них. Может, я не права, но, по-моему, ни к кому из своих многочисленных возлюбленных он не относился серьёзно. Тогда в чём дело?

– Чего не спишь? – спросил он, улыбнулся краешком губ и подмигнул.

– Да так... – Я не собиралась отвечать, правду-то уж точно, и вдруг сказала: – Дурные сны, то есть всего один, но впечатление произвел.

Теперь он нахмурился, внимательно разглядывая меня, точно прицениваясь.

– У меня с этим тоже проблемы, – произнес он и стал разливать чай.

Я подумала, он продолжит, но Вадим замолчал, решив, как видно, что тема исчерпана.

– Плохо спишь по ночам? – все-таки спросила я.

– По-разному, чаще сплю как убитый. А сны вижу паршивые.

– И сегодня? – помедлив, спросила я.

Он хохотнул, сделал глоток из чашки и сел вполоборота ко мне, вытянув длинные ноги.

– На самом деле я ехал от своей девчонки, решил взглянуть на твой дом. Сидел во дворе и пялился на окна. И вдруг ночник... Подумал, отчего бы не позвонить.

– Вадим, – позвала я. Он повернулся и уставился на меня. – В чем дело?

Он едва заметно поморщился, почесав бровь.

– Ты веришь в предчувствия? Вроде все хорошо, а на душе паршиво.

– Может, тебе стоит отдохнуть? – задала я вопрос, почти мгновенно пожалев об этом. Вряд ли он нуждался в подобных банальностях, это во-первых, а, во-вторых... насчет предчувствия он прав.

Вадим пожал плечами.

– Может, – чересчур легко согласился он. Вновь почесал бровь и неожиданно спросил, отводя взгляд: – Как у вас с Димкой?

На этот вопрос у меня был только один ответ, что-нибудь доходчивое и совсем простенькое, например: «а не пойти бы тебе...», но вместо этого я принялась вертеть чашку в руках и саму себя удивила, ответив:

– С Димкой у нас... сложно...

Вадим кивнул, точно именно этого и ждал.

– Ты поторопилась с выбором, – после довольно продолжительного молчания произнес он, чем здорово меня разозлил.

– Только не повторяй эту хрень, у тебя-то с головой порядок, – перебила я.

– У меня? – удивился Вадим. – Мой мозгоправ в это ни за что не поверит.

– У тебя, у тебя. Ты самый здравомыслящий человек из всех, кого я знаю.

– Ты мне льстишь.

– Если только чуть-чуть.

– Так что Димка?

– Боюсь, мы не созданы друг для друга, – пожалала я плечами.

– Значит, у меня есть шанс, – кивнул он, а я зло фыркнула:

– Идиот.

– Неожиданно. Кто восторгался моим здравомыслием?

– Не неожиданно. Ты уже некоторое время идиот. Люди иногда выбирают не тех. Ты об этом не знал? И никакой мистической хрени. О ней я точно ничего слышать не желаю.

Я зачем-то вскочила и прошлась по кухне, Вадим наблюдал за мной, глядя исподлобья. Тяжелый взгляд, неприятный.

– Мне показалось, вы с Джокером нашли общий язык. Мне показалось? – добавил он, не дождавшись ответа.

– Я осталась в команде, и мы стараемся не досаждать друг другу. У меня к нему лишь одна просьба: не морочить мне голову. Есть надежда, что он это понял.

– Ты все еще сомневаешься? – В голосе Вадима звучало неподдельное удивление, что окончательно вывело меня из терпения.

Я села за стол и с минуту хмуро таращилась на его физиономию.

– Четверо людей в прежней жизни дали клятву встретиться вновь. И встретились, если верить Джокеру. Девушка, ее лучший друг, возлюбленный и злейший враг. Отлично. Пусть так, если вам это нравится. Цели наши туманны, и толком не ясно, кто из нас кто. Выбор должна сделать я. Очень мило. Я его сделала и, похоже, промахнулась. Как думаешь, стоит мне с тобой переспать? А потом и с Джокером? Может, тогда все прояснится?

– Какого лешего ты себя изводишь? – проворчал Вадим. – Ты ни в чем не виновата. Ошибиться может каждый.

– Спасибо за понимание.

– Пожалуйста. А наша история в твоём изложении звучит довольно симпатично.

– Ага. Эпичненько. С легким налетом мистики.

Мистики в нашей истории на самом деле хоть отбавляй: трое мужчин со странными прозвищами появились в моей жизни не так давно, мгновенно перевернув в ней все с ног на голову. У них что-то вроде детективного агентства. Вряд ли официального, впрочем, налоги мы исправно платим и то слава богу. Вадим, то есть Воин, действительно когда-то воевал, Димка, он же Поэт, считался романтиком (сейчас это вызывало у меня большие сомнения). Кто такой Джокер – оставалось лишь гадать, потому что ничего определенного узнать о нем не удалось, хотя я пыталась. Мутный тип, потчующий остальных странными сказками с неясной целью. Я бы с радостью записала его в шарлатаны, но кое-что мешало. На самом деле много чего...

В команду меня приняли потому, что Джокер решил: экстрасенс им не помешает. Экстрасенс – сильно сказано. Мне далеко до тех из них, кого так часто показывают по телевизору. А вот Джокер может многое, хоть и не спешит демонстрировать свои таланты. В чем-то я смогла убедиться, о чем-то лишь догадывалась. В нашей четверке он был безусловным лидером, хоть и любил повторять «мы все равны». Против его лидерства я не возражала, если б он не кормил нас глупыми сказками...

– Скажи-ка, у тебя нет ощущения, что с некоторых пор нас стало пятеро?

Я было решила, Вадиму вздумалось пошутить, но вопрос прозвучал чересчур серьезно, а взгляд, сопровождавший его, и того хуже: в нём отчетливо читалось беспокойство.

– Это шутка? – нахмурилась я, зная не зная, как реагировать.

– Значит, нет? – спросил Вадим. – Или все-таки есть?

Я тут же вспомнила свой сон. Четвертый мужчина в машине... во сне я его узнала...

– Мы кого-то ждем? – помедлив, спросила я. Вадим пожал плечами. – А потолковее нельзя?

– Потолковее тебе не понравится.

– Валяй, я переживу.

– Тот, из-за кого, похоже, мы здесь и собрались. Я думаю, об этом лучше спросить Джокера. Лично у меня такое чувство, что кто-то стоит за спиной. Повернусь – исчезнет. В прятки играет. Может, стоит заглянуть к психиатру, колесами разжиться? Наберу вкусняшек в аптеке, и жизнь наладится.

– Давно это у тебя? – стараясь не демонстрировать беспокойство, проявила я интерес.

– Пятые сутки.

– Джокеру говорил?

– Нет.

– Почему?

– Хотелось самому разобраться.

– Успехи есть?

– Кто бы ни был этот тип, он точно не призрак, – усмехнулся Вадим. – По крайней мере, в квартире у меня побывал кто-то вполне материальный.

– В твоей квартире кто-то был? – малость похлопала я глазами.

– С большим знанием дела обыскал мою берлогу. Но кое-что проглядел.

– Старый шпионский способ: волоски на дверцах? – догадалась я.

– Типа того. Непонятно, что он ожидал найти. У меня нет страшных тайн, за ними следует отправляться к Джокеру.

– А это не могла быть бывшая подружка? Вдруг у кого-то остался ключ?

– Вполне. Если она прошла ускоренные курсы в Мосаде или еще в каком-нибудь симпатичном месте.

– А если нами заинтересовалась полиция?

– Эти бы таиться не стали. На самом деле меня куда больше беспокоишь ты. Но если ничего такого ты не почувствовала...

«Сон, – подумала я. – Дурацкий сон не идет из головы. Человек в машине. И мой страх. Не страх, ужас».

– Останься у меня, – вдруг сказала я и поморщилась в досаде, решив, что прозвучало это как-то двусмысленно.

Вадима предложение ничуть не удивило, он кивнул, поднимаясь:

– Раскладушка есть? Постели мне в кухне.

– Диван подойдет?

– Я бы предпочел преграду в виде надежных стен.

– Не валяй дурака.

– Я слабый человек, мне нелегко бороться с искушением.

– Вот сейчас ты меня бесишь. Раскладушка в кладовке.

Я отправилась в комнату за бельем; когда вернулась, раскладушка уже стояла посреди кухни, заняв все свободное пространство. Пока я заправляла постель, Вадим повесил пиджак на спинку стула и не спеша расстегивал рубашку, глядя в окно.

– Полотенце в ванной, то, что на крючке возле двери.

Он кивнул, не поворачиваясь.

– Спокойной ночи, – сказала я.

– Спокойной ночи.

Нырнув под одеяло, я тут же закрыла глаза. Близость Воина успокаивала, недавние страхи куда-то исчезли. Хотя, может, и не исчезли, отступили. «Вряд ли Вадим ошибается, следовательно, кто-то побывал в его квартире», – успела подумать я, проваливаясь в сон.

Я почувствовала присутствие человека раньше, чем проснулась. Кто-то был совсем рядом. Повернув голову, я увидела Димку, он сидел в кресле, держа неизменный ноутбук на коленях, и что-то просматривал, напряженно хмурясь. Минут пять я наблюдала за ним, прежде чем он поднял взгляд от монитора и заметил, что я проснулась. Мы выжидающе смотрели друг на друга, наконец он сказал:

– Привет. – И, закрыв ноутбук, вроде с неохотой положил его на журнальный стол.

– Привет, – вздохнула я и потерла глаза, торопясь сбросить остатки сна.

– Он теперь у тебя живет? – ворчливо осведомился Дима, кивнув в сторону кухни.

– Забыл ключи от квартиры, – зевнула я.

– Врешь.

– Вру.

– И что ему здесь нужно?

Я встала и начала заправлять постель, уверенная, что он вполне обойдется без моих ответов.

– Готов удовлетворить твоё любопытство, – появляясь из кухни, сказал Вадим.

Он был в одних брюках, точно нарочно демонстрируя мускулатуру. Намеревался отбить желание поскандальить? Разумный человек с таким типом связываться не станет.

– Лучше бы ты топал по своим делам, и поскорее, – буркнул Димка. Вадим отправился в ванную, а я в кухню ставить чайник.

Поэт появился там следом за мной, молча убрал раскладушку, отнес ее в кладовку, а белье – в комнату и сел на подоконник, откуда и наблюдал за тем, как я готовлю завтрак.

Вернулся Вадим, надел рубашку и устроился за столом.

– Достань масло из холодильника, – попросила я.

Димка досадливо покачал головой.

– Только мне кажется, что все это слегка отдает водевилем?

– А ты чего хотел, трагедию? – вроде бы удивился Вадим, нарежая хлеб.

– Я бы хотел, чтоб ты держался подальше от моей девушки.

– Поздно спохватился.

– Что?

– Ничего. Ешь кашу и завязывай строить из себя Отелло. Подожди того момента, когда застукаешь нас в постели.

– У тебя далекоидущие планы, как я посмотрю, – хмыкнул Димка.

– Ага, и я, как видишь, не намерен их скрывать.

– Прекратите, – подала я голос, с недовольством косясь на Вадима. – Что тебе вздумалось его дразнить?

Я чувствовала их взаимную неприязнь, обращенную исключительно друг на друга, и подумала с усмешкой: «Два петуха на одном дворе».

Вадим не ответил, вместо этого принялся с аппетитом есть. Димка вяло жевал, мыслями пребывая далеко от еды. В который раз я обратила внимание на их полную противоположность. Это касалось не только внешности, характерами они тоже разительно отличались.

Димка выглядел моложе своих лет. Разница в возрасте у всех троих компаньонов невелика, но мой возлюбленный считался едва ли не юношей и смотрелся соответственно. Светлоглазый блондин, с таким флером мечтательности. У каждого из нас в колоде Джокера была своя карта. У Димки – бубновый Валет. Поэт, вечно погруженный в себя. Стихов Димка не писал, но большую часть времени блуждал в виртуальных мирах, подозреваю, там ему было комфортнее.

Вадим рядом с ним казался громилой из подворотни, Димка парень рослый и широк в плечах, но, когда они стояли рядом, выглядел хрупким юношей. Большинство женщин пребывали бы в большом затруднении, приди им охота выбирать между ними. И в самом деле, кого предпочесть: Поэта или Воина? Одного из них хотелось взять за руку, за плечом другого – спрятаться.

Несмотря на то что сейчас их раздражение достигло предела, представить их врозь было практически невозможно. Два минуса, как известно, дают плюс. Лишний повод пожалеть о своей поспешности. Воин когда-то с усмешкой заметил: если в сплоченном мужском коллективе появляется женщина – жди беды. И оказался прав. Впрочем, надеюсь, до беды все-таки не дойдет.

Вадим поднялся из-за стола первым, собрал посуду и стал ее мыть, закатав рукава рубашки. Еще один парадокс: он никогда не чурался женской работы, выполнял ее легко и естественно, точно хотел сказать – настоящему мужику все по плечу. А Димка возле раковины выглядел нелепо, возникало желание немедленно его отогнать, чтоб чего-нибудь не разбил, не дай бог.

– Может, все-таки объясните, в чем дело? – переводя глаза с меня на спину Вадима, спросил Димка.

– Ничего настораживающего в последнее время не замечал? – с невольным вздохом спросила я, чувствуя, как меняются его ощущения: на смену недавней злости явилось недоумение. Впрочем, ревность никуда не делась, но совершенно точно отступила на второй план.

– Этот тип ночует у тебя, – хмыкнул Димка. – Это настораживает или нет? – Он кашлянул в кулак и добавил: – Нет, не замечал. А вы?

– В моей квартире кто-то шарил. И с девчонкой что-то не так. – Воин кивнул в мою сторону, вытер руки полотенцем и аккуратно повесил его на крючок.

«С чего ты взял?» – хотела спросить я, а вместо этого сказала:

– Ничего особенного. Просто странные сны.

– Понятно, – кивнул Димка вроде бы с облегчением. – А у меня пару дней такое чувство, точно кто-то в комп пялится из-за моего плеча. Несколько раз даже оборачивался, хоть и знал, что в комнате один.

Воин присвистнул, а Димка добавил:

– Надо предупредить Джокера.

– Когда он возвращается? – спросила я.

Максимильян отсутствовал больше двух недель, куда отправился, сказать не пожелал.

– Уже вернулся, – отозвался Димка.

– Значит, скоро увидимся. – Вадим подхватил свой пиджак и направился к входной двери, но задержался рядом со мной, чтоб меня поцеловать. Вполне братский поцелуй куда-то в висок, а Димке и это не понравилось. Дверь хлопнула, и на мгновение стало очень тихо.

– Вадим явился среди ночи. Я решила, его подружка выставила, – проворчала я.

– И он пришел к тебе?

– Почему нет?

– Ах, ну да. Вы – друзья. Не ко мне же ему идти.

– Ты сейчас кого ревнуешь? – вздохнула я.

Он досадливо отвернулся, посидел так некоторое время, потом спросил без особой уверенности в голосе:

– Может, нам пора жить вместе? Мы ведь об этом думали?

– Вряд ли стоит торопиться, – мягко сказала я.

– Ты считаешь, что ошиблась с выбором? – Я выругалась, а он криво усмехнулся: – Лезть в чужие мозги – это запросто, а вот сама открываться ты терпеть не можешь. Даже если это ответ на простой вопрос.

Я сама рассказала ему о своей способности чувствовать собеседника, его эмоции, душевный настрой, если угодно. Читать чужие мысли я, слава богу, не могу. Мне уже не раз приходилось пожалеть о своей откровенности. Впрочем, для Джокера эта моя особенность была очевидна и без моих признаний, она вроде бы и явилась одной из причин, по которой меня взяли в команду. Тех причин, что на поверхности. Об истинных мотивах Бергмана оставалось лишь догадываться.

– Это не простой вопрос, Дима, – собравшись с силами, заговорила я. – Я люблю тебя, ты это знаешь. Но любовь бывает разной.

Он засмеялся, откинувшись на спинку стула.

– Предлагаешь мне место лучшего друга? Ну, спасибо, что не врага.

– Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к рассказам Максимильяна о кровавых клятвах, прошлых жизнях и прочей дребедени. Полный бред, и вряд ли когда-нибудь изменю свое мнение. Но раз вам пришла охота поразвлечься, всем троим или только Максу – пожалуйста. Одна просьба: не заигрывайтесь и не морочьте голову мне. Это все, что касается моего так называемого выбора. А теперь мы можем поговорить о наших отношениях. Если хочешь.

– Не уверен, что хочу, – отвернулся он.

– Значит, мы не будем о них говорить.

– Хорошо. – Он передвинулся поближе. Тебя что-то не устраивает?

– Напротив. Мы не видимся неделями, все реже оказываемся в одной постели, и то, что меня это устраивает, лишний раз свидетельствует: мы не совсем похожи на влюбленную пару.

– Полно людей вокруг именно так и живут... – Он вновь покачал головой, сообразив, как нелепо это прозвучало.

– Согласна, – пожала я плечами, – но съезжаться нам не стоит. Создадим друг другу лишние неудобства.

– Вадим в тебя втюрился, это ясно, – буркнул Димка, глядя на меня исподлобья.

– При чем здесь Вадим? – разозлилась я. – Если у меня появится мужчина, он будет кем угодно, только не членом нашего странного трудового коллектива.

– Ты так в самом деле думаешь? – В голосе была насмешка, а еще сочувствие, как ни странно. И это задело, точно он наперед знал: ничего подобного в принципе невозможно.

– Уверена.

Мы немного помолчали, глядя друг на друга в большой печали.

– Я не оправдал твоих надежд? – первым нарушил молчание Дима.

– Считай, что я сама толком не знаю, чего хочу.

– Значит, все-таки не оправдал.

– Как и я твоих.

– Я по этому поводу не особо заморачивался.

– Может, в этом все дело?

– Типа, это ты взяла меня за руку, и я пошел, как овца на заклание? – Теперь в его голосе была обида.

– Сравнение с овцой мне не нравится. Но по существу... разве было по-другому?

– Я знаю одно: мне хорошо с тобой. Даже когда тебя нет рядом, сама мысль, что ты... Господи, что за чушь я несу... – покачал он головой. – На самом деле я просто идиот. Забыл, что женщины нуждаются во внимании. Мог бы цветы принести сегодня и вообще... Много бы чего мог... Мы с тобой нигде не бываем...

– Хватит покаянных речей, – перебила я. – Давай не будем спешить, если уж мы сошлись во мнении, что один раз точно поторопились.

– То есть ты предлагаешь ничего не менять?

– Я предлагаю не насиловать самих себя, – засмеялась я. – Делать лишь то, что хочется делать, а не то, что должны. Собственно, именно так мы и живем сейчас.

– Плыдем по течению?

– В надежде, что окажемся в нужной точке.

Он поднялся и взял меня за руку, мы обнялись и долго стояли, тесно прижавшись друг к другу. Мне было спокойно в его объятиях, мир стал простым и ясным, но теперь я, как никогда, отчетливо понимала: Димка для меня кто угодно – друг, брат, но только не тот мужчина, которого я бы хотела назвать возлюбленным. Хуже того, я знала: в этот момент наши мысли были схожи. Его от признания удерживало упрямство, а меня... Я вдруг отчетливо представила лицо Максимильяна, он смотрел на меня с сочувствием, в котором угадывалась насмешка, и ласково произнес:

– Я же говорил, милая, это было ошибкой.

После обеда позвонил Бергман. Учítывая, что он недавно вернулся, позвонить вполне естественно с его стороны, но я тут же решила: это связано с моим недавним разговором с Димкой. Голос Максимильяна звучал хрипловато, но была в нем особая мягкость – бальзам для девичьих сердец.

Кстати сказать, ничего о его личной жизни я не знала, правда однажды он представил нам свою девушку. Редкая красавица и умница, что, само собой, не удивило. Мы отлично провели вечер (я была с Димкой, а Вадим со своей подружкой), девушка мне понравилась, но продолжения знакомства не последовало. Телефонами мы не обменялись, впрочем, ни мне, ни ей ничто не мешало обратиться к Бергману. Однако не обратились. И я вряд ли смогу ответить на вопрос, почему этого не сделала.

– У нас есть повод собраться, – после приветствия и дежурных фраз на тему «как жизнь» сказал он. – Жду вас сегодня вечером, Лионелла уже занята ужином.

Не дожидаясь моего ответа, Максимильян простился, а я, поразмышляв над его фразой «у нас есть повод собраться», решила: мне предстоит выслушать очередную порцию бреда о

нашем предназначении и моем выборе. Впрочем, если о выборе Бергман говорил довольно часто, то как раз о предназначении помалкивал. То ли интересничал, то ли сам о нем не знал, что куда вероятнее.

«Пошлю его к черту», – подумала я и вдруг поймала себя на мысли: я рада, что сегодня мы увидимся. И еще: я скучала. Гордость не позволяла признаться в этом, но я ждала его возвращения. С нетерпением.

Ближе к вечеру появился Вадим, на этот раз предупредив о своем приходе по телефону. Открыв дверь, я увидела, что он стоит, привалившись к дверному косяку, пиджак расстегнут, руки в карманах брюк, лицо хмурое.

– Ты готова? – точно опомнившись, спросил он.

Костюм на нем был тот же, рубашку он сменил и теперь был в галстук, опустив его чуть ниже и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки.

– Гадаю, что надеть, – ответила я. – Я бы предпочла джинсы, но Лионелла, чего доброго, вытолкает меня в шею.

– Запросто. Я бы не рисковал.

– Не знаешь, зачем он собирает нас? – спросила я, оставив Вадима в комнате, сама, схватив платье, отправилась в ванную. Дверь плотно закрывать не стала, чтобы мы могли слышать друг друга.

– Собирает? – переспросил Вадим. – Я решил, что просто соскучился. Думаешь, у нас появился клиент? Я уже на мели.

Я лишь головой покачала. Деньги у Воина не задерживались. Подозреваю, что всякий раз он просто торопился от них избавиться.

Между тем я критически рассматривала себя в зеркало. Строгое платье тёмно-синего цвета и серебряная брошь – вполне подходило под определение «вечерний туалет». С другой стороны, наряд довольно скромный. Ни у старушенции, ни у ее хозяина не будет повода решить, что я для них так вырядилась. «Достойный повод отстаивать свою независимость», – мысленно скривилась я.

Наши отношения обрастают ненужными сложностями. Почему я могу вести себя естественно с Димкой, Вадимом, с кем угодно, но не с ним? В тот вечер этот вопрос грозил остаться без ответа.

Я вышла из ванной, Вадим, взглянув на меня, присвистнул.

– Не перебарщивай с комплиментами, – предупредила я, а он растянул рот в улыбке.

– Ты сама-то видишь, как офигенно красива?

– У меня зрение плохое, а носить очки стесняюсь... Значит, у нас, возможно, появится клиент? – сменила я тему.

– Это только мое предположение, точнее, робкая мольба к Господу. Еще немного, и придется кланяться деньгами у Джокера в счет будущих гонораров.

– Возьми у меня.

– Брать деньги у женщины неприлично, – хмыкнул Вадим. – Их как раз на женщин и надо тратить.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – кивнула я.

– А я тебе нравлюсь?

– Еще как. Ну что, поехали?

Покинув квартиру, мы спустились во двор, где стояла машина Волошина. Вадим распахнул дверцу и помог мне сесть, а я спросила:

– Как думаешь, почему он стал заниматься расследованиями? Есть масса способов зарабатывать деньги.

– Ты имеешь в виду Джокера?

Я молча кивнула, Вадим завел машину и выехал со двора.

– Что у Джокера в голове, знает только он. Так что тут я тебе не помощник.

– А ты сам?

– Я? Особо выбирать не приходилось. Главный айболит в госпитале прямо заявил, что не имеет права выпускать в народ убийцу, прошедшего соответствующую подготовку, если он не в состоянии держать свои таланты при себе. Как видишь, в выражениях не стеснялся. Я думал, что так и загнусь в психушке, начну пускать слюну и ждать прибытия инопланетян со дня на день. Но тут появился Джокер, и поперла везуха.

– Почему ты там оказался?

– В психушке? Непременно как-нибудь расскажу, обнажив одну из граней моей личности. Тот же айболит заверил: подобная откровенность должна вызывать у людей желание со мной подружиться.

– У Димки особого выбора тоже не было?

Вадим пожал плечами.

– Димка верит, что мировое зло будет наказано. Сам-то я этой верой так и не обзавелся. Детка, – вздохнул он, – если тебе что-то от меня надо, придется намекнуть прозрачнее. В смысле чтения между строк я абсолютно безграмотен. Как большинство мужиков, кстати. По крайней мере, я других не встречал.

– Это ты сейчас о чем? – нахмурилась я.

– К Джокеру у тебя все тот же интерес или вдруг появился новый?

Зло фыркнув, я отвернулась.

– По-твоему, я в активном поиске? – спросила сквозь зубы.

– Даже если и так, что с того?

– Господи, – простонала я, – иногда я всерьез жалею, что с вами связалась. Трое конченных психов, правда, каждый на свой лад.

– И я из всех самый симпатичный, – радостно закивал Вадим.

Волошин припарковывал машину, когда возле дома Максимильяна появился Димка, так что к дверям особняка мы отправились вместе. Открыла нам Лионелла. Обладательница столь редкого имени работала у Джокера долгие годы, называла себя экономкой, боготворила своего хозяина и, подозреваю, недолюбливала нас. Хотя кто знает.

Воин молодежато выпятил грудь и, рассчитывая сразить ее улыбкой, отчаянно скалил зубы, успев пропеть:

– Счастье мое, вы сегодня обворожительны.

Ответом она его не удостоила, целиком сосредоточившись на Димке. Тот явился в джинсах и клетчатой рубашке навывпуск. Парень из тех, кто сам толком не помнит, что надел с утра. Лионелле пора бы к этому привыкнуть, но она упрямо старалась привить ему некие правила, без которых обходиться не могла, а вот он, напротив, обходился, и прекрасно.

– Хозяин, кажется, покупал вам костюм? – осведомилась она, выговаривая слова с такой ветхозаветной строгостью, что я всерьез заподозрила: небеса сейчас потемнеют и плотный рой саранчи поднимется над горизонтом.

– Вам надо почаще выходить из дома, – в ответ съязвил Димка. – Двадцать первый век на дворе, мужчины носят юбки...

– Оборванец, – отрезала Лионелла и зашагала по коридору.

– Черт бы побрал эту старушеницу, – бормотал Димка. Он был раздражен, вряд ли это слова Лионеллы так подействовали. Значит, была еще причина.

Друг за другом мы вошли в столовую. Бергман сидел в кресле, листая толстый журнал, наверняка какой-нибудь каталог. Заметив нас, отложил его в сторону и поднялся навстречу.

Вот уж кто знал толк в костюмах. На этот раз он был в темно-сером, оттого, наверное, глаза Бергмана отливали сталью. Черные кожаные туфли, дорожные, поблескивали мягким

глянцем, черный шелковый галстук под воротником снежно-белой сорочки завязан безупречным узлом. Он был не просто красив. Великолепен. Прочие мужчины становились в его присутствии неловкими увальнями. Впрочем, возможно, они-то этого не замечали или им попросту наплевать. Димка точно не замечал, а Вадим поплевывал. Примерно так. С обоими Бергман поздоровался за руку и обнялся, точно встретились они после долгой разлуки. Меня тоже обнял и поцеловал. Почему бы и нет? Быстро оглядел с макушки до пят, словно просканировал. Я попробовала настроиться на него, заведомо зная: ничего не получится. Попытки считать его эмоции неизменно заканчивались провалом. Так и вышло. Оставалось лишь наблюдать за ним, что я и делала.

Он прошел к своему креслу за столом, а я в который раз подумала: в нем есть что-то такое, к чему нельзя прикасаться. Его обычную сдержанность можно приписать равнодушию или хорошему воспитанию, но я-то знала: в глубине бездонного колодца под названием Бергман беснуется огненный вихрь, который он научился смирять, а может, и вовсе отрицал у себя его наличие. Однако я видела его так же ясно, как перстень на пальце или запонки на манжетах.

Он вдруг в упор посмотрел на меня и усмехнулся, словно отлично знал о моих мыслях. Вполне вероятно, действительно знал. О его истинных возможностях оставалось лишь догадываться. Но в его присутствии не раз возникало чувство, что мир, вырвавшись из заведенного порядка, погрузился в тревожный сумрак, что в нем существует нечто неизведанное, если не сказать потустороннее. Именно это и мешало всецело доверять ему. То, что непонятно, поневоле вызывает подозрение.

Некоторое время я была уверена: Бергман мошенник, умело манипулирующий людьми. И даже попыталась навести справки о некоторых фактах его биографии, ведь, по сути, никто из нас ничего о нем не знал, кроме самых общих сведений: в городе он появился несколько лет назад, купил бывший купеческий особняк в центре, отреставрировал его, на первом этаже открыл букинистический магазин. На прочих размещались его покои, где за порядком следила Лионелла, странноватая тетка, похожая на злую колдунью из сказки. Я пробовала вывести у нее тайны хозяина, не сомневаясь, что они есть, но не преуспела. Впрочем, как и во всем остальном. Вадим предупреждал: если Бергман не хочет, чтобы о нем что-то знали, значит, никто не узнает. И оказался прав, как бы ни было болезненно для моего самолюбия с этим согласиться.

В общем, Максимильтян по-прежнему человек-загадка, но в ходе предыдущего расследования я несколько поменяла о нем мнение. Если бы он не пичкал нас байками о клятвах в прошлой жизни и прочей фигне, я бы согласилась с тем, что он отличный парень... Впрочем, я действительно так считала, решив попросту не обращать внимания на некоторые особенности его многогранной личности.

Теперь отношения наши носили дружеский характер, однако в тот вечер ничего хорошего от нашей встречи я не ожидала и оттого злилась. Мы заняли привычные места за обеденным столом, Вадим справа от Бергмана, Димка слева, а я напротив. Лионелла с нами за стол никогда не садилась, предпочитала есть в кухне. Старушенция была так предана Максимильтяну, что я некоторое время не сомневалась: она близкая родственница, и даже записала ее в родные бабки. Правда, доказательств кровных уз так и не нашла. При этом Лионелла всегда подчеркивала: Бергман ее хозяин, а она ему служит. Согласитесь, для двадцать первого века отношения не совсем обычные. Впрочем, как необычен и сам хозяин особняка. Так что чему удивляться?

Лионелла поставила на стол супницу, торжественно объявив:

– У нас крабовый суп.

Передала тарелку Бергману, он, поблагодарив, сказал:

– Пахнет божественно.

Старушенция кивнула и разлила суп по нашим тарелкам, после чего не менее торжественно удалилась, плотно прикрыв за собой дверь.

Надо сказать, готовила она отменно. Вадим вскоре полез за добавкой, за супом последовало мясо по-французски. Мужчины, занятые едой, по большей части молчали, а я спросила Бергмана:

– Куда ездил?

– На пару дней в Лондон. Потом в Италию, – пожал Максимильтян плечами. Уточнять зачем, не стал, а я не стала приставать с расспросами, уже по опыту зная: то, что сочтет нужным, Бергман сам расскажет.

Где-то через час перешли к десерту, хозяин нахваливал вино, Вадим согласно кивал, не забывая подливать его в свой бокал, Димка пиялился в тарелку, избегая смотреть в мою сторону, я имитировала оживление и расточала улыбки, пока Бергман не произнес:

– Что у вас произошло? – И уставился на Димку.

Тот, точно очнувшись, поднял голову и спросил с недовольством:

– В смысле?

– Такое впечатление, что ты ждешь конца света с минуты на минуту.

– Спасибо, что заметил.

– Так что случилось?

Димка в упор посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Бергмана и сказал с неохотой:

– Мы с Леной расстаемся... Кажется. – И неожиданно добавил, громко и зло: – Место свободно, налетайте.

– Дурак, – лениво отозвался Вадим, Максимильтян вроде бы вовсе не обратил на это внимания. Сложил руки домиком и на меня уставился.

– Это правда?

– Ты же сам всегда твердил, что мы поторопились... – вызывающе начала я. – И это был неудачный выбор...

– С чего это ты надумала меня послушать? – удивился он.

– На самом деле мы еще ничего не решили, – пошла я на попятный. – Я просто приняла к сведению дельный совет, твой, кстати: надо перестать бегать от себя и постоять спокойно. Будем мы вместе или останемся просто друзьями, вас не касается. Надеюсь, это понятно?

Бергман молча кивнул и сменил тему.

Покончив с десертом, мы перешли в гостиную, Лионелла в столовой убирала посуду, а Максимильтян, устроившись в кресле, взглянул на часы.

– Мы кого-то ждем? – не выдержала я.

– Некто Павел Аркадьевич Ключников очень нуждается в нашей помощи. Он так допек меня своими звонками, что пришлось раньше времени вернуться из поездки.

– И что у него за нужда в нас? – повеселел Вадим. Похоже, Господь его услышал и у нас вот-вот появится клиент.

– По телефону объяснять не стал. Но обещал озолотить.

– Он неплохой парень и мне уже нравится. А бабло у него есть? Обещать-то любой горазд.

– Я навел справки, человек он состоятельный, наш обычный гонорар вполне потянет. Вот только теряюсь в догадках, что у него за дело к нам. Что-нибудь смог узнать? – обратился он к Димке. Тот пожал плечами.

– Ничего примечательного я не обнаружил. Ключников женат, имеет дочь. Все живы-здоровы. Жена на двадцать лет моложе его...

Вадим при этих словах закатил глаза.

– Надеюсь, нам не придется изобличать благоверную в измене...

За подобные дела Бергман никогда не брался, так что замечание Вадима всерьез никто из нас не принял.

– Наверняка шантаж, – продолжил Вадим, – или происки конкурентов.

– Дождемся Ключникова и все узнаем, – заметила я.

Бергман вновь взглянул на часы, и в этот момент раздался звонок в дверь.

– Ну вот и наш гость, – сказал Максимильтян, поднимаясь.

Мы перешли в кабинет, где он обычно принимал клиентов. Надо сказать, в доме было два кабинета. Первый больше напоминал мастерскую средневекового алхимика, с ретортами, старинным глобусом, астролябией и прочими совершенно бесполезными, с моей точки зрения, вещами. Однако он идеально подходил Бергману, как нельзя лучше его характеризую. Правда, я не раз задавалась вопросом: вдруг все наоборот и эти вещицы не более чем ширма, к его личности не имеющая никакого отношения?

Возможно и так. Бергман, точно китайская шкатулка, в которой обнаруживается шкатулка поменьше и так до бесконечности, но в последней, против ожиданий, нет никакого сокровища. А сам хозяин посмеивается за спиной, наблюдая твои напрасные усилия что-то там отыскать.

Кабинет, в котором в тот вечер оказались мы, о личности Джокера вовсе ничего не говорил, разве что намекал на немалые гонорары, которые клиенту придется заплатить. Дорогая отделка, дорогая мебель. На резном дубовом столе ноутбук, на стене картина современного испанского художника, чью фамилию я благополучно забыла. Бык в треуголке злобно взирал с полотна, на заднем плане маячил тореадор с красным плащом в руках, вместо головного убора что-то подозрительно напоминающее рога. Поди разберись, что этим хотел сказать живописец.

Мы только успели устроиться в креслах, а Бергман – за столом, как раздался шаг на лестнице, а вслед за этим дверь распахнулась и в комнату вошел мужчина лет шестидесяти, в светлых джинсах, рубашке в полоску и бежевой кофте. Рыжеватые волосы так поредели, что сквозь них видна была розовая кожа. Лицо мужчины веснушчатое и до того невыразительное, что, казалось, закрой на миг глаза, и уже не вспомнишь, как он выглядит. Хотя, если присмотреться, лицо было приятным. Среднего роста, очень худой, ко всему прочему, он еще сутулился, кожу на лице и руках покрывали белые пятна. В целом он выглядел истощенным стариком, при том что морщины практически отсутствовали.

– Здравствуйте, – едва слышно произнес он, обводя нас взглядом и задержав его на Бергмане, безошибочно угадав в нем лидера. Мужчина откашлялся и заговорил громче:

– Ключников Павел Аркадьевич. Благодарю, что согласились встретиться.

Бергман поднялся из-за стола и направился к гостю, представил нас, затем представился сам, пожал Ключникову руку и указал на диван, предлагая присесть, после чего вернулся за стол и сказал:

– Внимательно вас слушаем, Павел Аркадьевич.

Тот нервно повел плечами, стиснув руки на коленях. Он очень нервничал – чтобы понять это, мои способности были ни к чему.

– Я хочу сразу предупредить... – Тут он сбился и почти умоляюще посмотрел на Бергмана. – Возможно, вам покажется, что дело, из-за которого я к вам обращаюсь, не вашего уровня, но для меня это вопрос жизни и смерти. И я... я готов заплатить любые деньги, лишь бы... простите, я от волнения могу сказать что-то не так...

– Хотите кофе? – улыбнулся Максимильтян. – А может быть, коньяк?

– Нет-нет, спасибо, – облизнув пересохшие губы, ответил Павел Аркадьевич со всей поспешностью. – Я просто очень хочу, чтобы вы приняли мое предложение. Вы моя единственная надежда.

– Мы вас слушаем, – вновь улыбнулся Бергман, желая придать гостю уверенности.

– С чего начать? – обводя нас взглядом, пробормотал он. – У меня есть дочь. Ей четырнадцать лет. Славная, милая девочка. Мы живем в Черкасово, вы, должно быть, знаете, это поселок в восьми километрах от города, сейчас городской микрорайон. Прекрасное место... тихое, спокойное... было. Но с некоторых пор у нас стали происходить... странные события. Я бы сказал, зловещие. Началось все в конце апреля... то есть тогда начали замечать... стали

пропадать животные. Собаки, кошки... Затем эта история с козой... исчезла коза, а потом ее голову обнаружили на ступенях церкви. Огни на кладбище... по ночам многие слышали странный вой...

Вадим закатил глаза, это не укрылось от Ключникова, и он обиженно вздохнул.

– Я понимаю, как глупо это звучит. Я предупреждал...

– Продолжайте, – кивнул Бергман.

Павел Аркадьевич вновь вздохнул:

– А потом случилась трагедия: утонула подруга моей дочери. Поначалу решили: несчастный случай. Ужасно, но, к сожалению, такое бывает. Река с сильным течением. Хотя вся наша детвора купалась, и бог миловал... Возможно, мы, взрослые, потеряли бдительность, не стоило их одних отпускать. Но вскоре появилось подозрение: возможно, это... убийство... – пробормотал Ключников.

– Возможно? – переспросил Бергман.

– У нее на руках обнаружили синяки. Наверное, девочка сопротивлялась. Видите ли, в тот день моя дочь Анастасия и три ее подружки отправились купаться. Это было месяц назад, если нужны точные даты...

– Пока нас устроит самый общий рассказ.

– Да... конечно. Они пошли купаться. У них свое место на реке. Я уже сказал, течение очень сильное. Обычно девочки оставляют свои вещи на пляже, а потом идут по берегу вверх по течению, довольно далеко, к Соснам. Это место так называется. Там тоже песчаный пляж и что-то вроде бухты, где вода спокойнее. Девочки заплывали на середину реки, их подхватывало течение и несло как раз к пляжу, где они оставляли вещи. Это у них что-то вроде игры. Взрослые тоже так обычно делают, мало кому хочется плыть против течения. Правда, так далеко, как моя дочь с подружками, не уходят. Накануне дочка пришла и рассказала, что, когда они были в Соснах, кто-то прятался за деревьями. Как будто наблюдал за ними. До этого ребяташки поменьше вроде бы видели женщину в белом. Незнакомую. Она не приближалась, толком они ее не разглядели. И в тот день, когда утонула Ира, тоже видели. Честно говоря, никто им не поверил. Они могли все это выдумать, но... В общем, в тот день, когда случилось несчастье, девочки плескались возле берега, а потом поплыли на середину реки. Их тут же подхватило течение. А вот Ира задержалась в бухте. Когда моя дочь оглянулась, то увидела ее неподалеку от берега, она стояла в воде и смотрела в сторону леса. Дочке показалось, что Иру кто-то окликнул, однако в этом она не уверена. Двоих ее подружек уже отнесло течением на приличное расстояние, дочка крикнула Ире, чтобы та следовала за ней, но девочка, точно замороженная, смотрела в другую сторону, махнула рукой, крикнув: «Я сейчас». Дочь присоединилась к подругам. Река в том месте делает поворот, там в последний раз и видели Иру: она все еще стояла по пояс в воде.

Девочки выбрались на берег в обычном месте и стали ждать Иру. Ждали примерно минут двадцать, так они говорят. Ира не появилась, и они пошли ее искать, то есть опять отправились вверх по течению. Не везде можно пройти вдоль берега, поэтому, не застав подружку на пляже, они решили, что ее просто не заметили – когда она плыла по реке, я имею в виду. Вторично к Соснам они отправились уже одетыми и вплавь возвращаться не стали. Вещей Иры на месте не оказалось. Выходило, что она приплыла в тот момент, когда они ушли ее искать, и решила, что подружки, не дождавшись ее, отправились в поселок.

В общем, они пошли домой. Время обеденное, они вскоре расстались, а когда ближе к вечеру встретились вновь у одной из девочек, удивились, что Ира не пришла. Заглянули к ней, дома не застали, ее родители были в отъезде, появились только к вечеру. Ира так и не вернулась. Само собой, отправились на поиски. Сначала мы с ее родителями, потом к нам присоединились жители поселка.

Утром стали прочесывать реку. Недалеко от того места в Соснах, где девочки обычно заходили в воду, ее и нашли. Тело оказалось под старой корягой, волосы запутались в ветвях... Это был кошмар. Для девочек, для нас... Я уж не говорю о родителях Иры. Просто ужас. А потом это известие... о синяках. Пошли разговоры, что девочка утонула не просто так. Я вспомнил рассказ дочери о том, что кто-то, возможно, наблюдал за ними. К тому же пропали вещи Иры...

– Прошу прощения, – перебил Бергман, – но ведь вскрытие наверняка проводили. Что оно показало?

– Я не видел заключения, ее родители молчат, но просто так слухи не возникают. И синяки на ее руках точно были. Правда... одна из подружек сообщила следствию, что синяки на руках она заметила еще до купания. На Ире была блузка с длинными рукавами, это показалось странным. Ира точно нарочно не торопилась раздеваться, но Тоня Лебедева, так зовут одну из девочек, все-таки обратила на руки внимание и спросила: «Откуда синяки?» Ира ничего объяснять не стала.

– То есть следователь с девочкой говорил?

– Да. И она сказала про синяки, но неуверенно. Он настаивал, и тогда Тоня сказала: «Я не знаю». Вот так. Больше мы следователя не видели. Иру похоронили. Ее родители, видимо, не настояли на расследовании. Я никого не осуждаю, но... боюсь, этой истории не уделили достаточно внимания. Однако на этом все не закончилось. Вскоре выяснилось: пропал сосед Иры; несмотря на разницу в возрасте, ему уже семнадцать, они дружили. Он исчез на следующий день после трагедии. И больше его никто не видел.

– То есть уже месяц семнадцатилетний подросток отсутствует дома и до сих пор никто не подал в розыск?

– Подали. После моего вмешательства. Там... довольно сложная ситуация в семье. Парнишку все еще не нашли. А две недели назад напали на Изольду Стрешневу, подружку дочери. Она шла к нам поздно вечером. Кто-то швырнул в нее камнем и попал в голову. Девочка потеряла сознание, но успела закричать. На счастье, неподалеку находился сосед, Максим Сергеевич забирал вещи из машины. Мужчина слышал, как кто-то поспешно убегал. Преследовать нападавшего не рискнул, да и времени не было, следовало помочь Изольде. Рана оказалась не такой страшной, как подумали вначале. Ребенку повезло. Но... это нападение, да еще вскоре после гибели Иры... Можете представить, как меня это напугало. А потом выяснилось: в тот вечер Изольда была одета в вещи моей дочери. У девчонок такая мания: носить одежду друг друга. Обе длинноволосые шатенки, примерно одного роста. В темноте их легко перепутать.

– Вы решили, злоумышленник охотился за вашей дочерью?

– Разумеется. А вы бы что подумали? Родители Изольды заявили в полицию, явился участковый... Изольда ничего существенного вспомнить не могла. Шла к Насте, хотела взять у нее какой-то диск, и буквально в нескольких метрах от нашего дома на нее напали. Она слышала шаги, но никого не видела. Обычно улицы хорошо освещены, но накануне кто-то разбил фонарь. Понимаете? Если бы не сосед... Еще вопрос, осталась бы она в живых. Я обращался в правоохранительные органы, настаивал на серьезном расследовании, меня выслушали, обещали разобраться, но до сих пор ничего не сделали. Боюсь, всех вполне устраивает вот такой расклад: Ира утонула случайно, ее одежду спрятали мальчишки, но побоялись в этом признаться, а камень швырнули какие-то хулиганы, желая девочку напугать, и ненароком угодили в голову. Но я уверен... можете смеяться надо мной, но зло как будто разлито в воздухе, я ощущаю его физически. Что-то происходит... Дочь я отправил в Испанию со своей сестрой. Но они не могут находиться там вечно. А я думать боюсь, что будет, когда Настя окажется здесь.

– И вы хотите, чтобы мы разобрались в этой истории? – откидываясь на спинку кресла, спросил Бергман.

– Вот именно. И либо нашли преступника... либо смогли объяснить все эти странности. Я должен точно знать, что происходит. От этого зависит вся моя дальнейшая жизнь.

– Что ж... мы все обсудим... ответ я дам вам завтра.

Ключников вскочил, он вроде бы хотел еще что-то сказать, но вместо этого кивнул как-то очень неуверенно, пошел к двери и, только уже собираясь закрыть ее за собой, пробормотал:

– Всего доброго.

– До свидания, – недружно ответили мы и подождали, когда стихнут его шаги на лестнице.

– Ну, что скажете? – спросил Бергман, обводя нас взглядом.

– Бред, – фыркнул Вадим. – Женщина в белом, странные звуки по ночам, кошки-собачки... Но если дядя готов платить, ради бога... Я буду искать хоть женщину в белом, хоть мужчину в красном...

Димка поднял голову от ноутбука, в который уткнулся сразу после того, как нас покинул Ключников.

– О гибели ребенка небольшая заметка в городской газете. Имя не названо...

«...утонула девочка, четырнадцать лет...» Те места я хорошо знаю, течение действительно очень сильное. Гибель ребенка всегда ужасна, а тут еще подруга дочери...

– Думаешь, Ключников чересчур переволновался?

Димка пожал плечами:

– Допустим, Ира утонула без чьей-либо помощи, но ведь кто-то напал на ее подругу.

Теперь все трое посмотрели на меня.

– Ключников напуган. Причем так, что едва сдерживается... Возможно, он по своему складу истерик. Но скорее всего он свято верит: Иру убили, а его дочери грозит смертельная опасность.

– Что ж, – кивнул Бергман, – допустим, Ключников сгустил краски, вся эта чертовщина, на которую он намекал, вряд ли по нашей части, а вот с нападением на подругу дочери и гибелью Иры стоит разобраться.

– Ага, – вновь подал голос Вадим. – Главное, чтобы он не забыл расплатиться, когда выяснится, что до истерики он довел себя совершенно напрасно.

– Это я беру на себя, – усмехнулся Бергман. – Что ж, завтра Воин и Девушка отправятся в Черкасово. Снимут дом и будут изображать отдыхающих. Присмотритесь к местным, выясните, истерия только у Ключникова или успела принять размах эпидемии и с чего вдруг такие страсти. Если понадобится, мы с Поэтом подключимся. Есть еще предложения?

Предложений не было.

На следующий день я отправилась к Бергману раньше назначенного времени. Накануне я была уверена, он непременно захочет со мной поговорить, раз уж Димка сообщил о нашем разрыве. Однако Максимилиан проводил нас до дверей, не предприняв попытки остаться со мной наедине. Это скорее озадачило. Меня мог бы насторожить тот факт, что в Черкасово он отправляет нас с Вадимом, но нам и до сего дня приходилось выполнять задания вдвоем.

Димка силен во всем, что касалось сбора информации на безбрежных просторах Интернета, он мог проникнуть в любую базу данных, взломать любой код... Одним словом, он хакер, а вот в иных видах деятельности был довольно беспомощен.

Бергман для поселка вроде Черкасово фигура чересчур заметная, а вот мы с Вадимом – в самый раз. Молодая пара на отдыхе, вполне подходящая легенда. И на речку сходим, и с соседями от нечего делать поболтаем.

Я собрала чемодан. Желая соответствовать легенде, побросала в него с десяток платьев и прочих вещей, без которых легко бы могла обойтись я, но не молодая особа на отдыхе с мужчиной своей мечты. Брать чемодан с собой не стала, решив, что за ним заедем позднее. Я

думала воспользоваться общественным транспортом, заодно немного пройтись, мысли были далеки от предстоящего дела, куда больше меня занимали слова Вадима о непрощенных гостях в его квартире. Димка не раз в сердцах говорил: по Воину психушка плачет. Учитывая, что именно там его Бергман несколько лет назад и обнаружил, утверждение не лишено оснований.

Как-то раз я в большой досаде на Вадима спросила напрямую, не кажется ли ему, что он чокнутый, на что получила предсказуемый ответ «все время кажется». Ему ничего не стоило выйти из себя и отколошматить очередного злодея до полусмерти, однако мании преследования я за ним не замечала. Кому в таком случае понадобилось устраивать обыск в его квартире? Собственно, об этом я хотела поговорить с Максимилианом, заподозрив, что Вадим ему о своих подозрениях не сообщил и делать этого не собирается.

К некоторому удивлению, Бергмана дома не оказалось. Лионелла сурово осведомилась, буду ли я его ждать, я предпочла заглянуть в магазин.

Как я уже сказала, букинистический магазин находился на первом этаже особняка, в народе прозванном «дом с чертями» из-за водосточков в виде горгулий – жуткого вида тварей. Если верить Бергману, особняк когда-то принадлежал его прадеду, но как раз в этих вопросах я доверять ему была не склонна. Прошлые Джокера скрывала плотная завеса тумана. Такое прозаическое занятие, как торговля книгами, подходило ему не больше, чем Димке мундир диктатора банановой республики. А вот Волошин, кстати, в любом мундире выглядел бы сногшибательно, что, в общем, неудивительно, на то он и Воин. Однако следовало заметить, магазин Бергмана вовсе не был обыкновенным. Напротив. Кроме очень редких книг, в нем имелось столько диковин, что впору диву даваться: где он это все достал? Особо ценные экспонаты от любопытных глаз были надежно укрыты в тайной комнате на втором этаже, именно там Джокер хранил свои сокровища. Но и от того, что выставлено в магазине, голова шла кругом.

Вот и сейчас, войдя в магазин, я по привычке начала оглядываться. Из-за ближайшего стеллажа, кряхтя и посмеиваясь, появился Василий Кузьмич, весь штат магазина в одном лице. Он был и продавцом, и оценщиком, и даже уборщиком, не позволяя прикасаться к реликвиям приходящей утром и вечером даме средних лет, она лишь мыла полы, и то под его наблюдением. Наверное, у Кузьмича была где-то в городе квартира и даже какие-то родственники имелись. Семьи у него точно нет, а представить его в ином интерьере моей фантазии не хватало. Я была уверена: ночует он тут же, в магазине, и вообще никогда его не покидает. Глупость, разумеется, но одно вне сомнений: смысл его жизни сосредоточился здесь. Он бы и дня не протянул без этих книг, шкафов красного дерева, выцветших литографий, старинных карт и картин в тяжелых рамах.

– Леночка, – радостно приветствовал он меня, – вы, как всегда, вовремя, только что чай заварил.

Надо сказать, досужих граждан Кузьмич не жаловал, «солидных», как он выражался, клиентов, определял на глаз, в окно крыльцо магазина видно прекрасно, а попасть внутрь можно было лишь с позволения Василия Кузьмича: услышав дверной звонок, он выглядывал в окно и по своему усмотрению либо открывал дверь, либо нет. Слово «солидный» имело для него какое-то свое значение, хорошо одетому господину он мог отказать, вежливо сообщив по переговорному устройству, что магазин не работает, и впустить вихрастого субъекта с кольцом в носу. Один такой в настоящий момент пасса в зале.

Вид у парня был совершенно очумелый, он дико озирался, двигая на полусогнутых по проходу. Похоже, соприкосновение с многовековой культурой мощно контузило бедолагу. Кузьмич, посмеиваясь, наблюдал за ним.

В зале находилось еще трое постоянных клиентов, сидели на приставных лестницах, благоговейно перелистывая книги. В закутке за стеллажом стол был накрыт к чаепитию. Причем на двоих. То ли Кузьмич собирался угощать кого-то из клиентов, то ли знал наверняка, что я зайду. Меня это ничуть бы не удивило.

Бергмана он по примеру Лионеллы звал «хозяином», относился к нему с запредельным уважением и был мастером недомолвок, лишь только речь заходила о нем. Наверняка по этой причине он и оказался у меня на подозрении, точнее, его человеческая сущность. Иногда я всерьез думала: Кузьмич – пожилой вампир, удачно скрывающийся здесь от дневного света. По ночам он сидит на бергманской крыше и вместе с соседскими кошками любит город. Временами к ним присоединяется Лионелла, перекинувшись в ворону. Вполне возможно, заглядывал на крышу и сам хозяин, этого я почему-то представляла крылатым змеем. Чушь, конечно, однако данная троица неизменно вызвала подспудное чувство тревоги, в случае с Кузьмичом вроде бы совершенно необъяснимое, потому что старикан он милейший.

– Кого ждем? – не удержавшись, кивнула я на чашки.

– Вас, Леночка. Признаться, успел соскучиться и очень надеялся, что придете.

– Потому и чашку поставили?

– Конечно. Поставил, чайку заварил и подумал: пусть заглянет к старику.

– А чашка действует как магнит?

– Что-то вроде этого.

– Ага, – кивнула я. – Хотите, подскажу вам более простой способ?

– Позвонить по телефону? – улыбнулся он. – Ну, это, пожалуй, даже слишком просто.

«Еще один чокнутый на мою голову», – мысленно усмехнулась я.

– Хозяин научил меня понимать знаки, которые посылает нам судьба. И сегодня мне был такой знак.

– Во сне меня видели?

– Нет. Шел по проходу и вдруг под ноги мне упал томик «Илиады».

– И как мы связаны?

– По-моему, это очевидно: Елена Прекрасная, из-за которой, собственно, и началась Троянская война.

– Действительно, очевидно. Странно, что я сама не догадалась.

– Большинство людей не обращают внимания на знаки.

– Надо будет взять мастер-класс. Чему еще вы научились у Максимилиана?

– О-о-о, – протянул старик, – по сути, я всем ему обязан.

Сомнительное утверждение, учитывая, что Кузьмич вдвое старше хозяина, хотя как знать.

– Давайте пить чай, – предложил он, как всегда, увиливая от разговора о Бергмане. Чай имел какой-то особенный вкус: апельсин, корица и еще нечто такое, что сразу и не распознать. – Что скажете? – спросил старик, улыбаясь.

– Божественно.

– Хозяин привез из своего путешествия.

– В чае он знает толк, – пришлось согласиться мне.

– Еще бы, – снисходительно кивнул Кузьмич.

Уверена, он не сомневался, нет ничего такого под небесами, в чем Бергман не знал бы толк. Сразу захотелось сказать какую-нибудь гадость, но я дипломатично улыбнулась. Тут взгляд мой задержался на соседнем столе, где лежали раскрытой толстенная книга, судя по виду, изданная в позапрошлом веке, очки Кузьмича и нечто вроде шкатулки со стеклянной вставкой посередине.

– А это что? – ткнула я пальцем в шкатулку, она, безусловно, появилась здесь недавно, по крайней мере в свой прошлый визит я ее не видела.

– Мощевик, – охотно ответил Кузьмич, в голосе едва сдерживаемый восторг.

– Пустой? – Должно быть, Бергману приглянулась работа мастера-краснодеревщика.

– Почему же? Тут частица мощей Николая Чудотворца. И сертификат имеется. Наш хозяин, собственно, за ними и ездил. Давно охотился за этой реликвией. Вам ведь известно, что Николай Мир-Ликийский, прозванный у нас Чудотворцем, вполне реальный персонаж?

– Я была в Турции, там на нем зарабатывают неплохие деньги.

– Что поделать. Духовное и телесное в нас нераздельно.

– Я где-то читала, Николай был человеком несдержанным и однажды ударил своего оппонента посохом. Как-то это не вяжется с обликом седобородого старца на иконах.

– Подобные детали, может, и интересны, но не по ним мы судим о святых, – засмеялся Кузьмич.

– Ясное дело... – вздохнула я. – Максимильян привез мощи из Италии?

– Не сказал. Но из Турции они в свое время перекочевали в Бари. Об этой истории вы слышали?

– А как же. Барийцы их попросту украли, опередив вездесущих венецианцев, те тоже за ними охотились. Впопыхах и в темноте из гробницы забрали не все, и тем все-таки тоже кое-что перепало.

– Вы прекрасно информированы для современной девушки.

– Чему удивляться. Вам ведь знаком глагол «погуглить»?

И вот тут произошло странное. Я попыталась вспомнить, откуда знаю эту историю. В Турции предлагали экскурсию к гробнице Николая Чудотворца, но я отказалась: жара стояла невыносимая, а море манило прохладой. В Бари я не была и не могу вспомнить, чтобы нечто подобное читала. Но историю похищения знала доподлинно. Мне о ней рассказали во всех деталях, потому что рассказывал очевидец, по крайней мере он так утверждал. Жутковато стало от того, что я в тот момент отчетливо слышала его голос.

«Чертовщина какая-то», – чуть не брякнула я, Кузьмич сидел напротив и радостно улыбался.

– Эти самые барийцы были встречены на родине как герои, – кивнул он. – Их потомкам еще пару веков город выплачивал пенсию, весьма солидную. А в Бари до сих пор Обретение мощей – большой праздник. Из собора их в этот день переносят на лодку, она отплывает в море, а потом причаливает к берегу, где ее встречает толпа народа.

«Да знаю я, – едва не отмахнулась я и вновь удивилась: откуда? Наверное, случайно наткнулась на сюжет на каком-нибудь канале и забыла».

– Один из похитителей, – продолжил Кузьмич, – залез в гробницу, чтобы достать мощи. Они мироточили, и он стоял по колено в мирре. Вот пытаюсь выяснить, как сложилась его судьба в дальнейшем.

– Вероятно, дожил до ста лет и был здоров как бык.

– Вот уж не знаю. Вдруг там решили, что это богохульство, – при слове «там» он ткнул пальцем в потолок и хихикнул.

– Да уж... Растаскивать святого по кусочкам не очень хорошо, – пожала я плечами. – Должно быть, мощевик стоит кучу денег.

– Даже не берусь предположить сколько.

«Откуда они у Джокера, интересно, – подумала я. – Зарабатываем мы неплохо, но и живет Бергман на широкую ногу. Вряд ли с доходов от магазина. Впрочем, кто ж знает, чем он еще торгует».

Я допила чай, немного послушав Кузьмича. Тут ожил мой мобильный. Звонил Максимильян, интересовался, где я, и сообщил, что уже вернулся.

– Спасибо за чай, – поднимаясь, сказала я.

– Всегда рад вас видеть, Леночка, – закивал Кузьмич.

Я направлялась к проходу между стеллажами, когда почувствовала присутствие кого-то третьего. Кузьмич, водрузив очки на нос, уже уткнулся в свою книгу, за его спиной маячила

бледная тень, отчаянно жестикулируя призрачными руками. Прислушавшись, я покачала головой и поспешила убраться восвояси.

Лионелла впустила меня в дом, бросив в спину:

– Хозяин в своем кабинете.

Бергман сидел за столом, перекладывая какие-то бумаги в ящике, должно быть, что-то искал.

– Привет, – сказал он, не глядя в мою сторону, а я сказала:

– Тебя надули. Вместо Николая подсунули какого-то малоприятного типа. Ему лет тридцать на вид.

– Монах-доминиканец, прославившийся своей нетерпимостью, считал, что инквизиция ни черта мышей не ловит.

– Надо бы его еще при жизни растащить на кусочки.

– Примерно так и вышло. Свою кончину он встретил мужественно, за что и удостоился святости.

Я не стала спрашивать Бергмана, откуда ему это известно. Однако сомневалась, что все это значилось в сертификате. Я уже давно подозревала: он видит куда больше, чем я, хоть и не горит желанием признать это.

– Поддельных мошей, как поддельных долларов, – продолжил он, – тьма-тьмушая.

– Зачем тогда купил?

– Хотел сделать приятное продавцу. Он свято верил, что мощи настоящие, но вынужден был с ними расстаться ввиду финансового кризиса, обрушившегося на его древний и некогда блистательный род. В качестве бонуса я получил книгу из его библиотеки, ее истинную стоимость он не знал.

– Что-нибудь об игральных картах?

Он молча кивнул.

– Из нашей команды я одна в своем уме, да и то как сказать.

– Это точно, учитывая, что видишь средневековых монахов.

– Серьезный аргумент, – не стала я спорить.

Тут я заметила в верхнем ящике стола шкатулку. В ней Бергман держал игральные карты. Необычные. Он утверждал, что понятия не имеет, как они к нему попали. Вроде бы однажды просто оказались в магазине. Эту байку я пропустила мимо ушей, но карты неизменно тревожили. Они были старыми, это я знала абсолютно точно, чувствовала, как чувствовала и многое другое. Того самого монаха, к примеру, обретавшегося возле своих собственных мошей. Беспокойство вызывал тот факт, что в этой странной колоде были четыре карты, от которых в дрожь бросало. Бубновый Валет с лицом Димки, Король крестей – точная копия Вадима, Дама червей с моей физиономией и Джокер, в котором угадывались черты Бергмана. Данный факт не поддавался никакому объяснению, и я, дабы спать спокойно ночью и понапрасну не ломать голову днем, сочла это шуточками Максимильяна, шуточки, само собой, в кавычках. Не знаю, как он все это проделал, но как-то смог.

Карты притягивали. Точно против воли я подошла ближе к столу. Захотелось открыть шкатулку и взять в руки колоду. Максимильян молчал, наблюдая за мной.

– Хочешь взять карту? – наконец спросил он, в голосе напряжение.

– Не хочу, – ответила я.

Однажды я взяла карту и увидела себя в другом времени, может, даже в другом мире. Но кто сказал, что это не просто игры разума? Или видения, внушенные все тем же Бергманом? Повторить опыт желания не возникло. Максимильян не настаивал, но я знала, это для него почему-то важно.

Я села в кресло и поспешно спросила, чтобы нарушить неловкое молчание:

– Вадим говорил с тобой?

– О чем?

– У него были гости. Незваные. А еще у него есть ощущение, что кто-то за ним наблюдает.

– Давно?

– Значит, тебе он ничего не сказал? – вопросом на вопрос ответила я, не очень вежливо, но что делать.

– По обыкновению, решил во всем разобраться сам, – пожал Бергман плечами. – Чему ж удивляться, он – Воин. Но в данном случае такое поведение вряд ли разумно.

– В данном случае?

– Я жду перемен, – сказал он тем будничным тоном, каким говорят «жду автобуса».

– Знаки? – съязвила я, но вместо язвительности в моем голосе слышалось беспокойство.

– Куда же без них, – усмехнулся Бергман. – Их много, и все указывают на опасность.

– Что делать?

– Быть внимательным. Готовиться. Опасность означает, в том числе, и конец ожидания.

– Наш злейший враг не дремлет? – засмеялась я. – И готов появиться с минуты на минуту?

– Главное – его не проглядеть, – в тон мне сказал Бергман. – Было бы отлично, появись он в черном плаще и серебряной маске, тут бы мы наверняка обратили на него внимание...

Еще одна странность: слова «в черном плаще и серебряной маске» вызвали мгновенный страх, и тут же возникло видение: мрачная фигура в сполохах огня за спиной, языки пламени отражаются в серебре как в зеркале, исчезая в черных провалах прорезей для глаз. Потребовалось усилие, чтобы почувствовать себя здесь и сейчас: в кабинете Бергмана. Должно быть, я пропустила что-то важное, Максимилиан смотрел с намеком на недоумение.

– Ты вдруг побледнела, – сказал он.

Он ожидал от меня объяснений, и мне захотелось рассказать, какое впечатление произвели на меня его слова, но из упрямства я не стала этого делать. Но о своем сне все-таки рассказала.

– Это можно счесть знаком? – поинтересовалась весело. Мне не хотелось, чтобы он видел мое беспокойство.

– Ты узнала его? – очень серьезно спросил Бергман.

– Во сне – да, но когда проснулась... В общем, даже приблизительно не могу сказать, как он выглядел.

Бергман молча смотрел на меня минуту, может, больше.

– Хочешь помочь? Увидеть?

Сердце сделало стремительный скачок, на мгновение стало трудно дышать. Я собралась ответить «нет», но вместо этого молча кивнула. Бергман еще некоторое время смотрел на меня, будто сомневаясь в моем согласии. Затем поднялся, подошел и взял за руку. Ладонь была холодной, а меня бросило в жар.

– Закрой глаза, – попросил он, голос звучал вкрадчиво, а потом словно стал удаляться, все тише... едва различимо... а я точно оказалась в колодце, не глубоком, но тесном и темном.

Безопасность, вот что первым пришло на ум. Здесь я в безопасности. И вдруг прямо передо мной возникло лицо, светлое пятно в темноте, так близко, что его невозможно разглядеть. И эта близость вызвала беспредельный ужас, я отчаянно закричала и тут же открыла глаза.

Бергман стоял рядом, держа меня за руку.

– Все в порядке, – сказал ласково и погладил меня по голове, будто я была маленьким ребенком. Мои пальцы в его ладони нервно вздрагивали, лоб покрылся испариной. – Все в порядке, – повторил он.

– Черт... – расцепив зубы, буркнула я. – Вот черт... все то же самое, я узнала его, то есть я отлично его знаю, он до смерти меня напугал, но сейчас я ничего не в состоянии рассказать о нем... и уж тем более понять, кто это...

– Ты молодец, и я тебе очень благодарен, – улыбнулся Максимилиан, так и не выпуская моей руки, а я вдруг поняла.

– Ты его видел?

Бергман молча кивнул.

– И узнал?

Все тот же молчаливый кивок.

– Кто это?

На сей раз он ответил:

– Тот, кого мы ждем.

Впервые с момента нашего знакомства мне очень хотелось развить эту тему. А вот Бергман, похоже, подобным желанием не горел.

Дверь распахнулась, в кабинет вошел Вадим и замер на пороге, глядя на нас. Должно быть, мы являли собой странное зрелище: я в тревожном обалдении, на пути к обмороку, и Бергман, стоящий слишком близко ко мне, все еще держа в руке мою руку. Чем не любовная сцена? В первый момент я решила: именно так Вадим ее и воспринял. Усмехнулся и запоздало постучал по дверному косяку, а потом направился к креслу. В нем чувствовалось раздражение, и оно все нарастало.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответил Бергман и вернулся за стол.

– Лично я готов ехать. – Вадим посмотрел на меня и подмигнул.

– Отлично. – Максимилиан пододвинул к нему папку. – Здесь все, что Поэт успел накопать на тамошних обитателей. Снять дом оказалось не так просто. Я разговаривал сегодня с Ключниковым, он предлагает поселиться у него. В саду гостевой дом сейчас свободен. По легенде, ты близкий друг партнера Ключникова по бизнесу, подумываешь купить жилье в тех местах.

– Ага. Заодно отдохнуть на халяву.

– Лена – твоя подруга. – Бергман достал из ящика пачку денег и перебрал Вадиму. – На расходы.

Тот сунул деньги в карман джинсов и поднялся.

– Тогда мы поехали.

– При необходимости мы будем в Черкасово через двадцать минут, – пожимая ему руку, произнес Максимилиан.

– Там и двоим делать нечего, – отмахнулся Вадим.

Он уже направился к выходу, Бергман поднялся и шагнул ко мне. Я малость замешкалась, а он, положив руку мне на плечо, сказал, понижая голос:

– Будь внимательна.

Я кивнула, теряясь в догадках, что он имел в виду: предстоящее расследование или нечто совсем другое, но предпочла не уточнять.

Вадим терпеливо ждал, распахнув дверь, Бергман наклонился и осторожно меня поцеловал, а мне вдруг захотелось вцепиться в него крепче и никуда не уезжать. Один из тех порывов, которые не поддаются никакому объяснению.

– Пока, – пробормотала я и поспешила покинуть комнату.

Я вышла первой, Вадим за мной, спускаясь по лестнице, он что-то насвистывал, а оказавшись на улице, неожиданно заявил:

– Ты ведь была против, чтобы он копался в твоих мозгах? Передумала?

– Меня беспокоит твой незванный гость, – вздохнула я, садясь в его машину.

– Ты рассказала Джокеру?

– Не стоило?

– Да ради бога... Шила в мешке не утаишь, как говорится. То, что должно произойти, – произойдет, а что должно вылезти наружу – вылезет.

– Философски.

– Ага. Может, дело жизни следует срочно менять? – засмеялся он. – Хотя вряд ли философам много платят, а я остро нуждаюсь в бабках.

– На что ты их тратишь? – спросила я, пытаюсь избавиться от неприятного чувства, возникшего несколько минут назад. Странно, что Бергман не захотел поговорить с Вадимом. Считает, тот с проблемой разберется сам? Наверное. Или, как всегда, не торопится посвящать нас в свои планы? Что ж, если он так решил, я вряд ли могу повлиять на ситуацию...

– Пускаю по ветру, – ответил Вадим на мой вопрос.

– А поконкретней? В карты проигрываешь?

Волошин весело хмыкнул:

– Как бы усердно я ни работал над расширением своих пороков, азартные игры туда не входят.

– Жаль. В игре в рулетку мне нет равных. Всегда отгадываю, куда полетит шарик.

– Серьезно? Учу. Значит, в грустной бедности мы свои дни не закончим. Ну а что касается денег... мы плохо уживаемся вместе. Либо они спешат смыться, либо я. – И тут же спросил совсем другим тоном: – Ты его видела?

Я поспешно отвернулась к окну, но все же ответила:

– Да. Бергман его тоже видел и, кажется, хорошо знает, кто он такой.

– Ну, наконец-то. Враги подтягиваются, жизнь обещает быть насыщенной.

– Похоже, эпидемия и меня коснулась, – буркнула я.

– Ты о нашей миссии? Любопытно все-таки взглянуть, за кем мы скачем по жизням, точно блохи?

– Ага, – в тон ему добавила я, – чем нам так насолил бедняга?

Я сама удивилась тому, как стремительно меняется мое отношение и к Бергману, и к пресловутой миссии. То есть я и сейчас считала: это чушь. Но кое-что тревожило. Максимилиан как-то сказал: попробуй объяснить дикарю, что такое телевизор. Придется использовать термины, доступные его пониманию, и что получится в результате – большой вопрос. Скорее всего телик сочтут посланником небес и будут усердно ему поклоняться. Так и в нашем случае. Проще все спихнуть на мистику и потешаться над легковерными в свое удовольствие.

Но как быть с тем, что я вижу и чувствую? В прежние времена мы с Максимилианом мигом бы оказались на костре. Хотя Кузьмич как-то заявил, что Бергман скорее бы подвизался в противоборствующем лагере. Все инквизиторы немножко колдуны, оттого и рыщут вокруг с таким старанием.

Чтобы избавить себя от подобных мыслей (никакого толка я в них не видела), я решила заняться делом и взяла с заднего сиденья папку, которую Вадим получил от Бергмана. К тому моменту мой чемодан мы уже забрали, до Черкасова путь недолгий, но по пробкам час мы любому потратим.

В папке страниц двадцать машинописного текста. Сведения касались ближайших соседей Ключникова и, конечно, четырех девочек, оказавшихся в центре этой истории. Ничего особенного, в основном физические данные, место работы и прочее.

Я читала вслух, Вадим кивал, иногда что-то переспрашивал, в общем, время пролетело незаметно. На дорогу мы потратили не час, а сорок пять минут и вскоре въезжали в Черкасово.

О том, что это когда-то был фабричный поселок, напоминали с десятков типовых домов вдоль дороги. На пригорке виднелась церковь. Возле автобусной остановки мы свернули, отсюда начиналась улица, застроенная новенькими коттеджами, похожими, как братья-близ-

нецы. В Черкасово две фабрики, обе принадлежат Ключникову, коттеджи построили несколько лет назад как раз для работников фабрик. Надо отдать Павлу Аркадьевичу должное: хозяин он рачительный и о людях заботится. В конце улицы мы обнаружили детский сад, а напротив школу. Навигатор вел нас дальше, к реке. Здесь дома побогаче, хоть и не дворцы. Впрочем, дворцы сейчас не в моде, на смену им пришли простота, удобство и единение с природой.

Всем этим требованиям дом Ключникова соответствовал: деревянное строение с каменным основанием и высокой крышей. Туи успешно заменяли двухметровый забор. Они были даже выше и надежно скрывали от досужих взглядов зеленую лужайку с качелями, открытую просторную беседку с тюлевыми шторами, шезлонги, расставленные тут и там в художественном беспорядке и длинный стол на кованых ножках, к которому прилагались такие же стулья. Ворота не было, вместо них шлагбаум. Подъехав, Вадим нажал кнопку переговорного устройства на шлагбауме. Представиться не пришлось, мужской голос произнес приветливо:

– Проезжайте, пожалуйста.

Шлагбаум подняли, мы поехали по дорожке, посыпанной гравием, а из-за дома нам навстречу уже бежал мужчина в комбинезоне и куртке цвета хаки, должно быть, охранник. Махнул рукой, предлагая следовать за ним. Мы обогнули хозяйский дом и вскоре тормозили возле дома поменьше.

Мужчина подождал, когда мы выйдем из машины, и сказал:

– Милости просим, для вас все готово. Хозяев пока нет, велели располагаться. Варя вас обедом накормит, хотите в доме, хотите здесь.

– Мы, пожалуй, лучше хозяев дождемся, – ответил Вадим, достал из багажника мой чемодан и свою сумку, мужчина сразу же их подхватил и понес в дом.

– Меня Николаем зовут, обращайтесь, если что. Я обычно вон в той пристройке, дежурю до десяти, а если позднее что понадобится, звоните на мобильный. Номер на бумажке записан, я ее на комод положил. Мигом прибегу, живу тут рядышком.

Мы вошли в дом, он оказался просторнее, чем я предполагала. Гостиная с камином, в большом медном ведре шишки, видимо, на растопку. Дальше кухня и две спальни, у каждой свой санузел. Стены обшиты вагонкой, ситцевые занавески на окнах и покрывала из цветных лоскутков. В целом интерьер напоминал провинциальные гостиницы, но материалы были подороже, опять же чувствовалось: гости здесь появляются нечасто, или построили дом буквально на днях, все слишком новенькое.

Вадим поблагодарил Николая и дал ему на чай, тот удалился, на смену ему пришла та самая Варя, оказавшаяся крупной женщиной лет сорока. В ситцевом платье наподобие русского сарафана она выглядела немного нелепо, но о вкусах, как известно, не спорят.

– Кушать будете? – представившись, спросила она.

Вадим и ей дал на чай, от обеда отказавшись. Когда она ушла, я стала раскладывать наши вещи, а Вадим бродил по дому, насвистывая.

– Чаю хочешь? – крикнул минут через двадцать.

– Давай.

Из кухни вела дверь на веранду, там мы и устроились, поглядывали на дом и зеленую лужайку.

– Может, позвонить Ключникову? – вслух подумала я, Вадим пожал плечами.

– А смысл? Познакомиться с его женой можно и попозже, а сам он вряд ли расскажет больше того, что уже рассказал. Предлагаю прогуляться, посмотреть, чем тут народ дышит.

Я убрала посуду, и мы вскоре оказались на улице, покинув территорию через калитку рядом со шлагбаумом и махнув рукой Николаю, который, заметив наши передвижения, появился из пристройки. Калитка, кстати, запиралась на задвижку, и если проехать к дому было невозможно из-за шлагбаума, то пройти – запросто.

Дома здесь стояли вперемешку – и побогаче, и победнее. Возле ближайшего, он был как раз из тех, что победнее, мужчина лет шестидесяти возился с газонокосилкой. На нас смотрел настороженно. Я громко поздоровалась, он кивнул и отвернулся, но продолжал следить за нами исподтишка. В доме напротив женщина смотрела в окно, но стоило мне встретиться с ней взглядом, поспешно задернула занавеску.

– Особо гостеприимными их не назовешь, – заметила я.

– Дядя с газонокосилкой – тот самый сосед, что ненароком спас Изольду от злодея с камнем. Максим Сергеевич Пяткин.

Хоть Вадим частенько говорил, что голова – не самое сильное его место, памятью обладал исключительной, в чем я уже не раз могла убедиться. Бумаги, что подготовил Дима, мы читали вместе, он имя соседа запомнил, а я лишь фамилию.

– Да, он. По крайней мере, в бумагах этот адрес.

Мы не спеша шли в сторону церкви, уверенные, где-то там центральная площадь, с магазинами и прочими благами цивилизации. Они нам были без надобности, но куда здесь еще идти?

Минут через пятнадцать мы, пройдя до конца одной улицы, оказались на другой, за это время встретили двух прохожих: мальчишку лет десяти и пожилую женщину с хозяйственной сумкой. А я начала оглядываться, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Что-то не так? – спросил Вадим.

– Все не так, – хмуро ответила я. – Странное чувство... точно в спину кто-то смотрит...

– Ага, – кивнул Вадим. – Я с этим чувством неделю хожу...

– У меня оно возникло несколько минут назад. И знаешь, здесь и вправду что-то не так... – брякнула я и почти тут же пожалела об этом.

– В смысле? – удивился Вадим. – Типа, враг рода человеческого обретается по соседству? – несмотря на ухмылку, вопрос прозвучал вполне серьезно. Вадим моим ощущениям доверял. – Выходит, наш клиент был прав и в деревеньке не чисто?

– Выходит, – пожалала я плечами, мы как раз вышли на площадь.

Справа автобусная остановка под пластиковым козырьком, слева вереница магазинчиков в однотипных одноэтажных домах из белого кирпича. За остановкой симпатичное здание, построенное еще до революции. Стрельчатые окна, башенки. Вокруг глухой забор, ворота и проходная. Одна из фабрик Ключникова. Когда-то принадлежала фабриканту Морозову, после революции национализированная, а в перестройку разоренная и проданная за бесценок.

Прохожих здесь было побольше, но особо приветливыми они не выглядели. «Довольно странно», – думала я. Местные, судя по всему, не бедствуют, по крайней мере признаков нищеты и безысходности не заметно. Напротив, даже деревенские дома выглядят добротно: заборы покрашены, в палисадниках цветочки.

Мы зашли в ближайший магазин, продавец и три человека в очереди взглянули с подозрением, точно мы потенциальные карманники. Разговоры сразу прекратились, на наше «здравствуйте» ответила только продавец, остальные выжидающе молчали. Вадим купил две бутылки пива, к тому моменту из покупателей мы остались одни, может, поэтому женщина за прилавком немного расслабилась и даже кокетливо улыбнулась на беспардонные заигрывания Вадима.

– Чем у вас здесь по вечерам народ занимается? – спросил он, подмигнув.

– Да ничем, телик смотрят, – ответила она. – Развлечения в городе, а у нас скука смертная. – Она облокотилась на стойку, демонстрируя грудь в глубоком вырезе форменного платья, и провела по ней рукой, чтоб он уж точно чего-нибудь не пропустил.

– Ресторан или кафе есть?

– Ресторана нет, а кафе имеется. Дальше, за фабрикой. Только вряд ли вам подойдет, там все больше поминки или свадьбы, ну и молодняк иногда тусуется. Едой отравиться можно, а уж паленой водкой тем более.

– Вот даже как?

– Ага. А вы мимо проезжали или в гости к кому?

– В гости. Но, чувствую, надолго не задержимся.

Женщина хихикнула, а Вадим, поблагодарив за пиво, направился к двери, и я, отлепившись от холодильника с мороженым, пошла за ним.

Мы устроились на скамейке неподалеку от магазина и стали пить пиво прямо из горлышка.

– Может, вернемся? – предложила я. – Вдруг Ключников приехал?

– Толку-то от Ключникова, – сморщился Вадим и неожиданно добавил: – А ты права. Что-то тут не так. Вроде все как везде, но мутно... точно в бинокль смотришь с другой стороны.

Пустые бутылки мы выбросили в урну и пошли к церкви, туда вела заасфальтированная дорожка. В небольшом сквере памятник воинам Великой Отечественной, а дальше кладбище. Увидев свежую могилу, я решила взглянуть. Венки, горой лежавшие на могиле, закрывали табличку с надписью, но на ограде, которую уже успели поставить, висел портрет в раме: девочка лет четырнадцати задорно улыбалась, светлые волосы рассыпались по плечам, на зубах брекеты. Хорошенькая. И такая юная, что наличие ее фотографии на кладбище казалось дурацкой шуткой. Рядом с фотографией плюшевый мишка и заяц, длинные уши лежали на земле.

– Ира Краско, – кивнув на портрет, сказал Вадим, фотографий у нас не было, но ясно, что это именно она, однако на табличку я все-таки взглянула. «Краско И.П.» и даты.

Я постояла немного возле могилы, закрыв глаза, и тут же почувствовала, как за спиной сгущаются тени. Много теней.

«Ира!» – мысленно позвала я, но через минуту глаза поспешно открыла. Вадим наблюдал за мной, стоя в трех шагах.

– Их здесь очень много, – заметила я ворчливо. – На кладбище у меня плохо получается.

«А где у тебя получается хорошо? – тут же мысленно съязвила я. – У меня есть... способности, – как всегда, не смогла я подобрать нужного слова, – но я не умею ими пользоваться».

Джокер не раз предлагал свою помощь, говоря, что способности надо развивать, но я отказывалась. Сначала – потому что ему не доверяла. А теперь? Я с детства знала: есть другой мир, я даже смогла сделать шаг и оказаться в пограничье. Вопрос, хочу ли я продолжить путь? Вот уж не знаю. Скорее нет, чем да. Откуда мне знать, что другой мир вовсе не иллюзия, не очередная игра разума? Вдруг однажды я очнусь в психушке, а может быть, даже не пойму, что я там.

– Оптимистично, – пробормотала я, косясь на Вадима.

Он что-то внимательно рассматривал. Я проследила его взгляд. Между оград мелькнуло что-то темное, исчезло и вновь мелькнуло.

– Кажется, это местный батюшка, – сказал Вадим. – Пойдем-ка посмотрим, чем слуга божий занят.

Друг за другом мы шли по тропинке, петлявшей между оград и памятников. До того места, где мы заметили священника, оставалось метров тридцать. Вадим сделал мне знак соблюдать тишину, и мы укрылись в тени клена, пытаюсь понять, куда делся батюшка.

И тут я почувствовала его присутствие, совсем рядом, из зарослей мальвы за нами испуганно наблюдали.

Несколько секунд мы таращились друг на друга, затем я услышала шорох, а вслед за этим, прячась за густой растительностью, батюшка бегом припустился в сторону кладбищенской ограды.

– Что это было? – спросил Вадим, шорох и топот ног он, безусловно, слышал.

– Батюшка в прятки играет, – ответила я.

Мы зашагали к церкви, то и дело оглядываясь. Священника нигде не видно. Дверь в церковь была приоткрыта. Мы вошли, я взяла платок из коробки рядом с дверью, звук наших

шагов гулко отдавался под сводами. В узкие окна струился мягкий свет, прокладывая солнечные дорожки на темной плитке пола.

«В церкви ни души». – Только я так подумала, как услышала скрип двери, а вслед за этим из бокового придела появился священник. Слегка запыхавшийся, в помятой сутане, к подолу которой прилип репейник.

– Добрый день, – приветливо произнес он.

К некоторому удивлению, выяснилось, что ему лет тридцать. Я бы даже решила, что меньше, путаницу вносила окладистая борода, которая вполне подошла бы ветхозаветному патриарху.

Сложив на животе руки, священник терпеливо ждал от нас чего-то, но пока дождался лишь ответного «здравствуйте». Светлые глаза батюшки смотрели с испугом, хоть он и улыбался с пастырской лаской.

– Служба уже закончилась? – спросила я.

– До следующей недели службы не будет, – ответил он. – Я... придется отлучиться по состоянию здоровья... А что вы хотели? – Занятный вопрос, хотя батюшка, возможно, ничего странного в нем не видел.

– Причаститься.

– На следующей неделе, – повторил он, – возможно.

– А вы здесь живете? – не отставала я.

– Да... нет. – Батюшка слегка смешался и даже покраснел с досады. – Сейчас живу в городе. У меня там квартира. А вы к кому-то в гости?

– Да. Вот решили взглянуть на местные достопримечательности... Церковь старая?

– XVIII века. Чудотворная икона была, Казанской Божьей Матери. Но ее после революции отдали в музей. Обещали нам вернуть, пока не вернули... Ждем. – Он понемногу успокоился и теперь даже не прочь был поболтать.

– После революции церковь закрыли? – спросила я, желая поддержать разговор.

– Да. Но нам повезло. Закрыли, но не разграбили. Просто заперли. Колокола и те оставили. Икону в музей забрали, и все. Она оказалась редкого письма, старинная, XV век, мастер, правда, неизвестен. Дар местного помещика, который церковь и построил.

– А вы давно здесь служите?

– Почти два года.

– Как жители? Часто в церковь ходят? – По непонятной причине вопрос ему не понравился, хоть он и старался не показать этого.

– Люди... как везде... – ответил после небольшой заминки. – Кто-то часто, кто-то нет... Мое дело служить, а не осуждать.

Занятный ответ. Похоже, отношения с паствой безоблачными не назовешь.

– Мы видели свежую могилу. Девочка, совсем еще ребенок...

Этот вопрос не понравился ему еще больше. Он молча кивнул, нахмурившись.

– Несчастный случай? – не отставала я.

– Да... утонула, река у нас довольно коварна... течение быстрое...

– Часто кто-то тонет? – влез Вадим. Священник слегка растерялся.

– Бог миловал...

– То есть ничего подобного раньше не случалось?

– У нас нет. Детей обычно одних на речку не пускают. Девочки довольно взрослые, вот и пошли одни...

– Наверное, теперь не много желающих искупаться.

– Отчего ж, купаются, конечно. И дети, и взрослые. Вы меня извините, мне пора. Жду вас на службе.

Он развернулся, намереваясь скрыться в приделе, где наверняка была еще одна дверь на улицу.

Мы направились к выходу, и тут батюшка вдруг спросил:

– А вы к кому приехали?

Переглянувшись, мы сделали вид, что вопроса не слышали, и покинули храм.

– Батюшка какой-то вздрюченный, – заметила я.

– Негоже так о святом отце, но по-другому не скажешь. Интересно, что он делал возле могил?

Мы шли по тропе с намерением обойти церковь и вернуться к тому месту, где впервые увидели священника, и тут Вадим сказал:

– Отче за нами наблюдает. Притаился за деревом, что твой индеец. Не оглядывайся, – торопливо предупредил он.

Громко восторгаясь работой мастера, который возвел этот храм божий, мы покинули кладбище и направились к реке. Тропа здесь делала поворот, и мы поспешили укрыться за ближайшими кустами.

Вскоре на тропинке появился священник, повертел головой, высматривая нас, пробормотал что-то невнятное и устремился в противоположную сторону.

– Давай за ним, – шепнул Волошин.

Первые метров пятьсот дались нелегко. Священник то и дело оглядывался, и мы, скрываясь за кустами, которых вдоль тропы росло предостаточно, передвигались чуть ли не ползком. Однако вскоре он успокоился, в том смысле что не оглядывался, но несея едва ли не бегом. Вне всякого сомнения, направлялся он в поселок, но почему-то в обход. Это заинтриговало. Мы неумоимо следовали за ним, а батюшка, приподняв подол рясы, продирался сквозь заросли, следуя к коттеджу с ярко-синей крышей из металлической черепицы. К нему совершенно точно вел куда более удобный путь со стороны площади, получается, батюшка не хотел обращать на себя внимание граждан.

Достигнув забора, он вновь стал оглядываться, едва не застав нас врасплох. Вадим повалился в траву, увлекая за собой меня. Когда мы рискнули приподняться, святой отец уже вошел в калитку и постучал в боковое окно дома, рядом с крыльцом, после чего устроился там же на скамейке. Громко вздохнул и вытер потный лоб.

Из дома появилась женщина лет сорока, в платье без рукавов и с черной лентой на голове, вместо косынки. Она села рядом со священником, и он торопливо заговорил. К сожалению, слышать его слова мы не могли. Женщина отрицательно покачала головой, глядя куда-то вдаль и разглаживая на коленях подол платья. Он положил свою руку поверх ее руки и вновь что-то сказал. Женщина на этот раз кивнула, а потом заплакала, стиснув рот ладонью. Священник вскочил и теперь гладил ее плечо, как видно успокаивая. Вскоре женщина вернулась в дом, а священник, выйдя через калитку, тут же юркнул в пространство между домами, упорно не желая показываться на улице.

Мы были уверены, он вернется к церкви, но ошиблись. Вновь почти бегом он устремился к реке, предпочитая обходить дома сзади, где заросли кустов сменили деревья, переходя в настоящий лес. Его упорное нежелание передвигаться по улицам, само собой, вызывало у нас любопытство, вот мы и бегали, батюшка впереди, а мы за ним.

Довольно скоро он оказался возле солидного особняка в духе русской усадьбы. Выкрашенный голубой краской двухэтажный дом с колоннами стоял на отшибе, на пригорке возле реки. Оглядевшись в очередной раз, батюшка поспешил к задней калитке, достал мобильный и кому-то позвонил. Судя по выражению его лица, настроен был весьма решительно, жаль, слов мы не расслышали, я надеялась хоть что-то прочесть по губам, но батюшка, словно нарочно, отвернулся. Потом убрал мобильный и принялся нервно бегать вдоль забора.

Прошло никак не меньше двадцати минут, в продолжение которых священник несколько раз хватался за телефон, но звонить все-таки не стал. Наконец, калитка открылась, и появился молодой мужчина, одетый в вельветовые брюки, бархатный жилет и белоснежную рубашку с шелковым шарфом вместо галстука. Наряд впечатлял, впрочем, как и сам мужчина. Высокий, холеный, с кудрявыми волосами до плеч. Губы такие яркие, что я было решила: не обошлось без помады. Священник кинулся к нему, и вновь нам не повезло: разговор шел эмоциональный, но мужчины не говорили даже, а скорее шипели. Начал батюшка, «бархатный жилет» пытался его успокоить. В ответ святой отец схватил его за руки и принялся трясти, поведение мало соответствовало его сану. Мужчина, сбросив его руки, сказал что-то отрывистое и скрылся за калиткой, а священник, пробегая мимо нашего убежища, бормотал в досаде:

– Чтоб тебя...

– Эк батюшку разбирает, – прокомментировал происходящее Вадим, пользуясь тем, что святой отец несется по тропинке на открытой местности и нам следовало дожидаться, когда он достигнет ближайших деревьев, а уж потом за ним бежать. – Неужто наше появление так на него подействовало?

– Ты думаешь, священник может быть причастен к гибели девочки? – усомнилась я.

– Не, не думаю, – покачал головой Вадим. – Но Ключников прав, что-то здесь происходит... неправильное.

Священник скрылся за деревьями, и мы легкой рысью отправились следом. Вскоре стало ясно: он возвращается к церкви. Мы вслед за ним поднялись к кладбищу и из укрытия смогли наблюдать, как священник повесил на церковную дверь замок, настороженно огляделся и направился к дому, тот стоял уже за оградой, но буквально в десятке метров от нее. Батюшка поднялся на крыльцо, открыл дверь своим ключом, а через минуту мы увидели его в окне: придерживая занавеску, он шарил взглядом, точно новичок-постовой.

– Чудеса, – хмыкнул Вадим. – Служителю божьему то ли голову напекло, то ли есть у него серьезный повод вести себя как Джеймс Бонд.

– Он сказал, у него квартира в городе, а это что за дом?

– Дом батюшки, естественно. Выглядит очень даже прилично. В палисаднике цветочки, а за домом огород. Теплицы...

– Это ты к чему?

– К тому, что есть причина, по которой он в город отчалил. А главное, перевез свое семейство.

– Он еще слишком молод, может, и нет никакого семейства.

– Матушка должна быть, но на ее присутствие здесь ничто не указывает.

– Ключников говорил, кто-то козе голову отрезал и положил возле церкви. Может, все дело в этом? В поселке завелись опасные психи, вот святой отец и нервничает.

– А матушку увез от греха подальше? Возможно. Странно только, что после разговора с нами он бросился в поселок, не потрудившись церковь запереть. Чем мы его так возбудили?

– Давай посмотрим, что он делал на кладбище? Вдруг догадка появится?

Место, где мы заметили священника, Вадим нашел через пять минут. Двойная могила, памятник из черного мрамора, надпись гласила: «Матвеевы Михаил Петрович и Полина Юрьевна». Разница в возрасте три года, а вот умерли в один день. Увлеченная разглядыванием памятника, я не сразу обратила внимание, чем занят Вадим.

– Глянь на трофеи, – позвал он, я повернулась и увидела, что он стоит с пластиковой бутылкой в одной руке и подозрительно пахнущей тряпкой в другой.

– Где ты это взял?

– Валялось возле ограды. Похоже, отче что-то оттирал, а мы ему помешали.

– Что оттирал? – не поняла я.

– Солнышко, это уайт-спирит, тебе известно его предназначение? Я бы решил, батя что-то красил, а эта хрень нужна, чтоб краску развести или убрать ее, если вдруг случайно мазнешь не там, где надо. Но по соседству, как видишь, ни одной ограды, которую недавно красили.

– Может, он только собирался...

– Красить ограду? Сомневаюсь. Чего ж тогда сбежал? Опять же банку с краской я не нашел. Значит, он что-то оттирал вот на этом памятнике.

Мы внимательно осмотрели надгробье, и стало ясно: Вадим скорее всего прав. На черном камне остались едва заметные следы красной краски.

– Так, может, он по домам из-за этого бегал? – сказала я.

– Спросим у него?

– Мы здесь вроде бы на отдыхе, в гостях у добрых друзей...

– Ага, – хмыкнул Вадим. – Как мы разберемся в местной чертовщине, не задавая гражданам вопросов? А как только мы начнем их задавать, наша легенда сыграет в ящик.

Вадим вернул бутылку и тряпку на прежнее место, и мы покинули кладбище.

Я взглянула на часы. С того момента, как мы оставили дом Ключникова, прошло довольно много времени. Возможно, Павел Аркадьевич уже вернулся.

– Идем обедать? – спросил Вадим, и мы зашагали к площади.

На дорожке возле дома Ключникова стоял белый «Порш». Значит, кто-то из хозяев действительно вернулся. Дверь нам открыла Варя и заговорила с преувеличенным воодушевлением:

– Проходите, проходите, пожалуйста. Павел Аркадьевич вас спрашивал. Все за стол уже садятся...

Все, как оказалось, это сам Ключников и его супруга, высокая, очень худая женщина в ярко-красном платье с обнаженной спиной. Такой наряд мог быть уместен в Голливуде, и то году эдак в тридцатом, а в российской глубинке отдавал белой горячкой. Может, во мне зависть говорит? Определить возраст супруги Ключникова было невозможно. С таким слоем макияжа не поймешь, где заканчивалась она и начиналась иллюзия.

– Очень рад вас видеть, – вскакивая с кресла при нашем появлении, произнес Ключников. – Дорогая, знакомься. Это ближайший друг моего партнера, Вадим...

– Можно просто Вадим, – широко улыбнулся Волошин, не дав произнести Ключникову свое отчество, при этом весьма красноречиво взглянув на супругу. Взгляд его обещал сиюминутное блаженство и любовь до гроба, согласитесь, при таком раскладе заморачиваться отчеством и впрямь ни к чему.

– Людмила, – произнесла Ключникова с алчным интересом, точно успела стать вдовой. Муж, безусловно, обратил внимание и на улыбку Вадима, и на блеск в глазах жены, но остался к ним равнодушен, что также наводило на размышления. Бергман, кстати, считал, что провоцировать клиента не только можно, но и нужно, Волошин указаниям четко следовал.

Наше знакомство с мадам вышло молниеносным, я представилась, она кивнула и, похоже, тут же забыла про меня.

– Давайте обедать, – предложил Ключников. – Мы с дороги... да и вам пора подкрепиться.

Стол был накрыт на веранде. Маркиза создавала приятную тень, два вентилятора – прохладе. Инструментальная музыка, тихая, ненавязчивая, отлично подходила данной идиллии. Однако мы-то успели убедиться, идиллией тут и не пахнет.

– Мы немного прогулялись, – уплетая окрошку, сообщил Вадим. – Встретили батюшку. Он показался нам каким-то нервным. Не нашел общий язык с прихожанами?

Судя по тому, как нас представил Ключников, он вполне мог не сообщать супруге истинную цель нашего присутствия здесь, оттого Волошин избегал прямых вопросов.

Людмила фыркнула и закатила глаза, а Ключников вздохнул:

– Батюшка у нас человек не плохой...

– Батюшка, – презрительно произнесла Людмила. – Самоуверенный мальчишка, вот ему и досталось...

– Досталось? – тут же проявил интерес Вадим.

– Ну да. Он вздумал проповеди читать...

– Вообще-то читать проповеди его обязанность, – нахмурился Ключников, но Людмила лишь рукой махнула.

– Ты прекрасно понимаешь, милый, о чем я. Все дело в том, как он их читал. С таким дурацким апломбом говорить прописные истины...

– Истина зачастую банальна... Моя жена права, не всем он пришелся по нраву. До него здесь долгое время служил отец Сергей, хороший человек, но в преклонном возрасте.

– И сильно пьющий, – подсказала Людмила.

– Да, так и есть. Матушка у него очень сильно болела. Рак. Сын в Сибири служил, дочка замужем за морским офицером, где-то на севере. Вот и нашел утешение. Человека можно понять... Он жил в городе, сюда приезжал только на воскресную службу, ну и по праздникам. А когда пришел отец Владимир, наметились перемены. Открылась воскресная школа. – Тут Людмила вновь презрительно фыркнула. – Он проводил благотворительные вечера, средства шли на помощь малоимущим семьям. Таких у нас несколько.

– Работать не хотят, вот и малоимущие, – вновь вмешалась Людмила, произнеся эти слова таким тоном, что сразу стало ясно: она-то вкалывает не покладая рук.

– В общем, много полезного успел сделать, – не обращая внимания на жену, продолжил Ключников.

– Ага. Денег из тебя вытянул немало...

– Помогать другим – обязанность христианина.

– Вот-вот, – разозлилась Людмила. – Все они горазды рот разевать на чужое. Что-то я не заметила у самого батюшки особой щедрости.

– Он много работал, с этим ты не станешь спорить.

– По домам шнырять да болтать языком – не велика работа.

– Вы говорите о его работе в прошедшем времени, – вмешалась я. – Что-то случилось?

– Да, – неохотно ответил Ключников. – Он взял отпуск по состоянию здоровья, увез жену в город.

– Мой муж чрезвычайно добрый человек, – издевательски заявила Людмила, – и очень не любит называть вещи своими именами. У батюшки оказались не совсем обычные склонности...

– Прекрати, – отмахнулся Павел Аркадьевич. – Это клевета.

– Серьезно? Отчего тогда он так всполошился?

– Любой на его месте... кто-то написал на ступеньках церковной лестницы краской «отец Владимир – педофил». Гадость и клевета. Но тут же пошли слухи. Кто-то видел, он девочку по голове погладил, кто-то – мальчика по спине. Это что, преступление? Но все это росло как снежный ком... Честному человеку нелегко отмыться от грязи...

– Кому понадобилось травить батюшку? – удивился Вадим.

И в самом деле, каким образом и кому священник местной церкви мог перейти дорогу? Допустим, приход здесь не бедный, но и златых гор не видно, а священника назначают отнюдь не прихожане. Поверить, что кто-то из церковных служителей так пакостит, помогаясь места, я не в состоянии, тогда кто? А главное, зачем? Или сплетни все же не на пустом месте возникли?

Ключников пожал плечами:

– Если б я знал, постарался бы сделать все, чтоб мерзавцы ответили за свои поступки.

– Вы пытались разобраться?

– Когда к церкви подбросили голову убитой козы, я счел это мерзкой выходкой, не имеющей отношения лично к отцу Владимиру. И только когда жена сообщила, что он... практически оставил службу... Слухи дошли до епархии, и у отца Владимира теперь неприятности. Я с ним встретился, но он сам был в недоумении относительно причин...

– Или хотел, чтобы ты так считал, – опять вмешалась Людмила.

– Из разговора с ним я понял, что с самого начала его восприняли в штыки... Мелкие пакости, на которые он поначалу не обращал внимания, закончились безобразной выходкой...

– Ты Райкин припадок имеешь в виду? – хмыкнула его супруга и, не дожидаясь ответа, принялась рассказывать: – Живет здесь одна баба, совершенно опустившаяся. Пьет и, извините, спит с кем попало. За выпивку. В общем, малоимущая, каким отец Владимир рвался помогать. Само собой, нигде не работает, зато рожает регулярно. Детей в детдом, и опять в загул. Не жизнь, а сплошной праздник. Сколько она их там насаждала? Пять или шесть? – обратилась она к мужу.

– Понятия не имею, – нахмурился он.

– Очень жаль, надо бы знать, кому помогаешь. В общем, отец Владимир в гордыне, которую он так старательно поносил, решил Райку спасти. Вернуть на путь истинный: чтоб пить бросила, работать начала и детей своих вернула.

– И что в этом плохого?

– Глупость, вот что, дорогой. Таких, как Райка, в трудовые лагеря отправлять надо, на хлеб и воду, а еще на принудительную стерилизацию, чтоб всяких уродов не рожала, которых нормальным людям всю жизнь кормить придется. А батюшка решил добрым словом... Она в церкви прибираться стала, хоть большого толку от нее никто не видел. Юбку нацепила до лодыжек, платок... преобразилась, одним словом. А уж крестилась каждую минуту.

– Но ведь она действительно бросила пить, – вздохнул Ключников.

– Ага. На пару месяцев. А потом явилась в церковь на воскресную службу пьяная в хлам и принялась батюшку поносить. Чего только не наговорила... будто бы батюшка ее, простите, соблазнил прямо в церкви, под образами...

– Ты же сама сказала, она была почти невменяемой.

– Не спорю. И она же заявила, что отец Владимир к детям интерес имеет весьма скверного свойства.

– Н-да, – хмыкнул Вадим, – батюшке не позавидуешь. И что было дальше?

– Из епархии приезжали. И наш участковый с Раисой разговаривал, – недовольно поморщился Ключников. Похоже, разговор ему был не только неприятен, но и изрядно утомил. – Раиса заявила, что ничего не помнит, пьяная была, какой с нее спрос. Участковый пригрозил сроком за клевету. Она к батюшке побежала плакаться, он простил по доброте душевной. В воскресенье она вновь пришла, и вновь пьяная. Рыдала и умоляла ей не верить и ее, грешную, простить. Но сделала только хуже, пошли слухи, что несчастную алкоголичку попросту запугали.

Подали десерт, и тут Людмила вздохнула с притворным сожалением:

– Милый, наши гости, чего доброго, передумают здесь землю покупать. Вы ведь планируете строиться?

– Пока и сам толком не знаю, – выдав улыбку из арсенала героя-обольстителя, ответил Вадим.

– Все эти Райки, как вы понимаете, совсем из другой жизни. На самом деле у нас тут тихо, и люди по большей части вполне приятные. Стрешневы организовали что-то вроде клуба. По субботам музыкальные вечера. Даже есть любительский театр. Представьте, я в прошлом году

играла Офелию. – Она жеманно засмеялась, а я ехидно подумала: видно, с актерским составом совсем плохо, если не нашли никого помоложе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.